

— 811 —

Т У Л Ъ С К І Я

Епархіальныя Вѣдомости.

22 Марта

№ 12.

1905 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Разныя извѣстія по епархіи.

Совершены освященія иконостасовъ въ трпезныхъ храмахъ села Буреломъ, Ефремовскаго уѣзда и села Селезенева, Тульскаго уѣзда.

Перемѣны по службѣ.

Допущены къ исправленію псаломщической должности въ село Истленьево, Богородицкаго уѣзда, сынъ псаломщика *Василій Вознесенскій*, по прошенію, 10 Марта.

— Утвержденъ въ должности псаломщика: и. д. псаломщика села Воскресенскаго на Упѣ, Одоевскаго уѣзда, *Александръ Мерцаловъ*, 9 Марта.

— Уволенъ отъ должности: и. д. псаломщика села Черняевки, Богородицкаго уѣзда, *Алексій Тихоновскій*, по прошенію, 8 Марта.

— Умерли: 4-го Февраля пенсіонерка вдова діакона села Павловскаго, Одоевскаго уѣзда, *Наталія Глаголева*, 5 Марта псаломщикъ села Кириллова, Новосильскаго уѣзда, *Михаилъ Румянцевъ*.

По жертвованія.

По жертвовали въ церкви Тульской епархіи: по Каширскому вѣзду: 1) въ церковь села Любизъ: а) церковный староста личный гражданинъ *Симеонъ Галанцевъ* икону Преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца въ рѣзной кіотѣ, стоимостью въ 200 руб. и мѣдную никеллированную купель, стоимостью въ 25 руб.; б) прихожане и церковный староста сего села двѣ большія рѣзныя кіоты, стоимостью въ 350 рублей; 2) въ церковь села Каверина: а) Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій *Флавіанъ*, Митрополитъ Кіевскій 26 иконъ писанныхъ на деревянныхъ доскахъ въ благословеніе отъ него Каверинской церковно-приходской школѣ, завѣдующему школой, учителю и 23 крестьянамъ села Каверина, пострадавшимъ отъ пожара; б) Его Высокопревосходительство Господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода *Константинъ Петровичъ Побыдоносцевъ* икону святаго Царя Константина; в) Его Превосходительство Господинъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода *Владиміръ Карловичъ Саблеръ* двѣ иконы Преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца (одна большаго, другая маленькаго размѣра) и мѣдный маленький семисвѣчникъ; г) московскій купецъ *Николай Герасимовъ* два полныхъ священническихъ облаченія и одно діаконское, стоимостью все въ 165 рублей; д) княжна *Марія Меццерская* билетъ Государственной Коммиссіи Погашенія долговъ вѣчнаго вклада въ 160 руб., приносящій дохода ежегодно 3 р. 50 к. для пользованія $\frac{0}{100}$ причтомъ за поминовленіе; е) вдова надворнаго совѣтника *Наталья Агеева* такой же билетъ въ 100 р., приносящій дохода ежегодно 3 руб. 50 к. для пользованія $\frac{0}{100}$ причтомъ за поминовленіе; ж) дѣвица *Анна Аюнина* такой же билетъ въ 85 руб., приносящій дохода ежегодно 2 руб. 96 к. для пользованія $\frac{0}{100}$ причтомъ за поминовленіе; з) вдова штабсъ-капитана *Анна Воронова* такой же билетъ въ 55 руб., приносящій дохода ежегодно 1 руб. 92 коп. для пользованія $\frac{0}{100}$ причтомъ за поминовленіе; въ церковно-приходское попечительство села Каверина: а) Его Высокопревосходительство господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода *Константинъ Петровичъ Побыдоносцевъ*—100 руб.; б) господинъ управляющій контролемъ при Святѣйшемъ Синодѣ *Петръ Степановичъ Даманскій* 100 руб.; в) Его Сіятельство Князь *Димитрій Меццерскій* 46 руб.; г) помѣщица села Вязиць дворянка

Александра Анофьева вѣнцы, стоимостью въ 30 руб.; д) священникъ села Шипова, Ефремовскаго уѣзда, *Никифоръ Никитниковъ* на помощь погорѣльцамъ села Каверина 3 руб.; е) разные благотворители, пожелавшіе остаться неизвѣстными 180 руб.; въ церковно-приходскую школу села Каверина: а) Его Высокопревосходительство господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода *Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ* икону Преподобнаго Іова Почаевскаго; б) Его Превосходительство господинъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода *Владиміръ Карловичъ Саблеръ* на нужды школы 250 руб.; 3) въ Строительный Комитетъ при Николаевской церкви села Богатищева-Епишина: крестьянинъ *Иванъ Руновскій* 110 рублей на постройку церковнаго дома для псаломщика; 4) въ церковь села Рождествина: крестьянка сего села *Евдокія Кваскова* икону Божіей Матери въ кіотѣ, стоимостью въ 135 руб.; въ церковно-приходское попечительство села Рождествина: а) Преосвященный Велико-Устюжскій *Алексій* 100 руб. и б) почетный гражданинъ *Исидоръ Кузнецовъ* 25 руб.; по Тульскому уѣзду: 1) въ Николаевскую церковь села Зарытова: крестьянинъ *Алексій Петрухинъ* 50 р. на украшеніе храма и билетъ вѣчнаго вклада $3\frac{1}{2}\%$ въ 50 руб. для пользованія $\frac{0}{\circ}$ причтомъ за поминовленіе; 2) въ Дмитріевскую церковь села Казачьихъ Присадъ: дочь умершаго священника села Хавокъ, Веневского уѣзда, *Марія Пашковская* билетъ вѣчнаго вклада $3\frac{1}{2}\%$ въ 120 руб., для пользованія $\frac{0}{\circ}$ причтомъ и церковью по равной части за поминовленіе; 3) въ Спасопреображенскую церковь села Рогожни: церковный староста, коллежскій совѣтникъ *Андрей Добровольскій* на окраску наружныхъ стѣнъ храма и крыши до 350 рублей и на постройку зданія для церковной школы свыше 200 руб.

Утверждены церковными старостами.

1) Въ Алексинскомъ уѣздѣ, къ церкви села Баршевки крестьянинъ *Петръ Волковъ*, къ церкви села Унекъ крестьянинъ *Георгій Коровкинъ*, 2) въ Богородицкомъ уѣздѣ къ церкви села Лутова мѣщанинъ *Александръ Галкинъ*, къ церкви села Истленьева крестьянинъ *Тимовой Савушкинъ*, къ церкви сельца Осинový Кустъ крестьянинъ *Иванъ Земляковъ*, къ Соборной Троицкой г. Богородицка церкви купецъ *Василій Ламакинъ*, къ Покровской того же города церкви

мѣщанинъ *Павель Трегубовъ*, 3) въ Бѣлевскомъ уѣздѣ къ церкви села Комарева купецъ *Михаилъ Баталинъ*, г. Бѣлева Аѳанасіе-Кирилловской купецъ *Иванъ Рыжковъ*, къ Богородицерождественской—пот. почет. гражд. *Николай Киселевъ*, къ Срѣтенской—купецъ *Иванъ Тиньковъ*, къ Успенской—мѣщанинъ *Иванъ Марковъ*, къ Троицкой—мѣщанинъ *Николай Ламоновскій*, Николаевской—купецъ *Иванъ Ростовцевъ*, Муромосидкой—мѣщанинъ *Иванъ Сорокинъ*, къ Петропавловской—купецъ *Николай Хочевскій*, къ Воскресенской—мѣщанинъ *Никита Меренковъ*, 4) въ Веневскомъ уѣздѣ къ церкви села Подхожаго крестьянинъ *Максимъ Зотовъ*, къ церкви села Судбищъ дворянинъ *Константинъ Сумбуловъ*, къ церкви села Щучья крестьянинъ *Сергій Ширяевъ*, 5) въ Епифанскомъ уѣздѣ къ церкви села Каменки крестьянинъ *Андрей Челловъ*, къ церкви села Ивановскаго крестьянинъ *Иустинъ Давыдовъ*, къ церкви села Шевыревой Слободы мѣщанинъ *Симеонъ Куркинъ*, 6) въ Ефремовскомъ уѣздѣ къ церкви села Козья крестьянинъ *Симеонъ Гридневъ*, къ церкви села Шипова крестьянинъ *Николай Петровъ*, 7) въ Крапивенскомъ уѣздѣ къ церкви села Зміева крестьянинъ *Никаноръ Осиповъ*, къ церкви села Царева крестьянинъ *Титъ Александровъ*, 8) въ Новосильскомъ уѣздѣ къ церкви села Пятницкаго на Колпнѣ крестьянинъ *Иванъ Шуваловъ*, къ церкви села Остраго Голянки крестьянинъ *Яковъ Шукинъ*, 9) въ Одоевскомъ уѣздѣ къ церкви села Лошачей купеческій сынъ *Николай Артемьевъ*, 10) въ Тульскомъ уѣздѣ къ церкви села Казачьихъ Присадъ крестьянинъ *Симеонъ Дадоновъ*, къ церкви села Осиновой Горы крестьянинъ *Евграфъ Савкинъ*, къ церкви села Теплага крестьянинъ *Алексій Поповъ*, къ церкви села Зарытова крестьянинъ *Теодоръ Прошковъ*, къ церкви села Романова крестьянинъ *Матвѣй Романовъ*, къ церкви села Суходоль-Кишмина крестьянинъ *Павель Черновъ*, къ церкви с. Тимирева крестьянинъ *Александръ Краснобаевъ*, къ церк. с. Сергіевскаго на Упѣ крестьян. *Петръ Митяевъ*, къ церкви села Глухихъ Полянъ, крест. *Теодоръ Гулковъ*, къ церкви села Мещерскаго крестьян. *Евгеній Грызловъ*, къ церкви села Высокаго крестьянинъ *Илія Котовъ*, къ церкви села Рогожни кол. совѣтн. *Андрей Добровольскій*, къ церкви села Маслова купецъ *Петръ Шереметьевъ*, къ Иверской, что при ст. „Тула“ Московско-Курской жел. дор. церкви капитанъ инженерныхъ войскъ *Александръ Пороховниковъ*, 11) въ Чернскомъ уѣздѣ къ церкви села Старыхъ Горокъ крестьянинъ *Иродіонъ Харитоновъ*, къ церкви села Пашутина крестьянинъ *Кирилъ Козленковъ*, къ церкви села Вобрикъ дворянинъ *Тео-*

доръ *Желябужескій*, къ церкви села Георгіевскаго на Роскѣ крестьянинъ *Димитрій Кураковъ*, къ церкви села Покровскаго Чичерина крестьянинъ *Иванъ Емельяновскій*, къ церкви села Теплага отстав. прапорщикъ *Алексій Голубятниковъ*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 25 Февраля—4 Марта 1903 года № 932, разрѣшено Комитету Россійскаго Общества защиты женщинъ производить въ теченіи двухъ лѣтъ (1904 и 1905 г.г.) во всѣхъ церквахъ Имперіи за всенощной въ субботу и за литургіей въ воскресенье на 5 недѣль Великаго Поста сборъ пожертвованій въ пользу Россійскаго Общества защиты женщинъ.

Вакантныя мѣста.

а) Священническія при церквахъ:

1) Села Нижней Пшеви, Новосильскаго у., съ 8 Февраля с/г. Земли церковной 38 дес. 1325 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1800. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ.

2) Села Мокраго, Бѣлевскаго уѣзда, съ 12 Февраля с/г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 810. Причта положено быть: священнику и псаломщику, причтъ получаетъ % съ капитала въ 200 руб.

3) Села Пѣтушекъ, Новосильскаго уѣзда, съ 11 Февраля. Земли церковной 36 дес. 1200 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1626. Причта положено быть: двумъ священникамъ и двумъ псаломщикамъ.

4) Села Себина, Епифанскаго уѣзда, съ 27 Февраля. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 1333. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

б) Діаконскія при церквахъ:

1) Села Знаменскаго, на Зушѣ, Чернскаго уѣзда, съ 14 Сентября. Земли церковной 50 дес. 1763 саж. Прихожанъ м. п. 784. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % въ годъ 19 руб.

2) Села Ямской Слободы, Новосильскаго у., съ 28 Октября 1904 г. Земли церковной 68 дес. 240 кв. саж. Прихо-

жанъ м. п. 1195. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

3) Села Медвѣдокъ, Алексинскаго у., съ 28 Октября 1904 г. Земли церковной 39 дес. 500 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1274. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 2500 руб.

4) Села Зайцева, Бѣлевскаго у., съ 28 Октября 1904 г. Земли церковной 40 дес. 1167 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1409. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % въ годъ 12 рублей.

5) Села Ивановскаго на Ситовой Мечи, Чернскаго уѣзда, съ 17 Декабря. Земли церковной 36 д. 8 кв. с. Прихожанъ м. п. 1568. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

6) Села Каменки, Епифанскаго уѣзда, съ 17 Декабря. Земли церковной 32 д. Прихожанъ м. п. 1764. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ.

7) Села Богородицкаго-Жадома, Чернскаго у., съ Января с./г. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 776. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ казеннаго жалованія 550 р. въ годъ и % вмѣстѣ съ церковью съ капитала въ 1243 руб.

8) Села Люторичей, Епифанскаго у., съ 19 Января с. г. Земли ц. 33 дес. Прихожанъ м. п. 1128; причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

9) Села Богоявленскаго на Зарытомъ Верху, Чернскаго у., съ 19 Января с. г. Земли церковной 45 дес. Прихожанъ м. п. 835. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1040 руб. и 550 руб. казеннаго жалованія.

10) Села Стараго Гоголя, Ефремевскаго у. съ 19 Января с. г. Земли церковной 76 дес. 1554 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1249. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % 11 р. 50 к. въ годъ.

11) Села Кузнецова, Богородицкаго уѣзда, съ 20 Января с. г. Земли церковной 35 дес. 994 кв. саж. Прихожанъ м. п. 2158. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1680 руб.

12) Села Лабодина, Бѣлевскаго уѣзда, съ 31 Января. Земли церковной 81 дес. 2375 саж. Прихожанъ м. п. 1038. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ 350 руб.

13) Села Харина, Веневского уѣзда, съ 15 Февраля. Земли церковной 32¹/₂ дес. Прихожанъ м. п. 881. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

14) При Тульскомъ Успенскомъ Кафедральномъ Соборѣ, съ 15 Февраля. Земли ц. 44 дес. 1814 саж. Причта положено быть: кафедральному протоіерею, ключарю, 2 свящ. протодіакону, 2 діаконамъ, 2 ипод. и 2 псаломщикамъ. Причтъ получаетъ каз. жалованья 4200 руб., $\frac{0}{100}$ съ 1783 руб. 12 коп., и $\frac{0}{100}$ съ капитала за отчужд. землю въ 29232 руб.

15) Села Колтова, Каширскаго у., съ 22 Февраля с/г. Земли церковной 66 дес. 1696 кв. саж. Прихожанъ м. п. 773. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ казеннаго жалованія 550 р. въ годъ и $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 2906 р. 25 к.

16) Села Архангельскаго, Крапивенскаго уѣзда, съ 10 Февраля с/г. Земли церковной 54 дес. 1412 кв. с. Прихожанъ м. п. 1324. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

17) Села Буйць-Никольское, Епифанскаго уѣзда, съ 1 Марта с/г. Земли ц. 36 д. Прихожанъ м. п. 1852. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 435 руб.

18) Села Иванькова, Епифанскаго у., съ 1 Марта с/г. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 1181. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 150 руб.

в) Псаломщическія при церквахъ:

1) Каширскаго Никитскаго женскаго монастыря съ 21 Января с/г. Земли ц. 47 дес. Прихожанъ м. п. 261. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ казеннаго пособія 392 руб. въ годъ, пособія отъ прихожанъ 71 руб. 43 коп. и $\frac{0}{100}$ 1325 руб. въ годъ.

2) При Николаевской, г. Новосили, церкви съ 3 Марта с/г. Земли церковной 208 дес. 1900 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1100. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 2000 р.

3) Села Черняевки, Богородицкаго уѣзда, съ 8 Марта с/г. Земли ц. 38 дес. 1200 кв. саж. Прихожанъ м. п. 2086. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ, совмѣстно съ церковью, получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 400 руб.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Въ видѣ приложенія къ оффиц. части „Тул. Епар. Вѣдомостей“ за текущей, 1905 годъ, № 7—8 помѣщена „Докладная записка о состоянїи страховой отъ огня кассы духовенства Тульской епархіи, со времени открытія кассы въ 1894 году и до 1 Января 1905 года“.

Нынѣ, протоіерей г. Ефремова А. С. Гастевъ, въ нѣкоторое разъясненіе 8—16 строкъ страницы 11 сказанной „записки“ и въ оправданіе свое проситъ напечатать присланную имъ записку, сущность которой, вкратцѣ, слѣдующая. Комиссія по приему кассовыхъ дѣлъ и архива и передачъ ихъ новому правленію страховой кассы медлила своею поѣздкою, для этой цѣли, въ г. Бѣлевъ, чтобы дать сколько нибудь приготовить дѣла и бумаги кассы прежнему правленію—къ сдачѣ, а новому—къ приемкѣ; въ противномъ случаѣ могла бы оказаться затруднительною, а не то и вовсе невозможною самая передача дѣлъ и документовъ отъ стараго правленія—новому. Объ этомъ прот. А. С. Гастевымъ своевременно и понадлежащему было доложено Преосвященному Питириму. Затѣмъ же прот. А. С. Гастевъ тяжело захворалъ, почему и вынужденъ былъ оставить всякую мысль о поѣздкѣ въ г. Бѣлевъ въ качествѣ предсѣдателя вышесказанной комиссіи, своевременно попросивъ Еп. Начальство освободить отъ возложенной на него, о. Гастева, обязанности по передачѣ дѣлъ и документовъ страховой кассы.

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

22 Марта

№ 12.

1905 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

ПОУЧЕНІЕ

на 22-е Марта.

Святой священномученикъ Василій, Пресвитеръ Агкирской церкви, страдалъ за Христа въ царствованіе Императора Констанція, зараженнаго ересью Арія и Юліана Отступника, при которомъ и кончилъ жизнь мученическою смертію. Когда онъ былъ въ темницѣ, его посѣтилъ отступникъ отъ христіанской вѣры, Пигасій, съ цѣлію и его убѣдить поклониться идоламъ и, облобызавъ его, сказалъ ему: „радуйся, Василій“, на что Священномученикъ сказалъ: „Нѣсть радоватися нечестивому отступнику отъ вѣры: нѣсть тебѣ спасенія, который пилъ отъ источника Христова, а нынѣ поглощаетъ идоложертвенное; нѣкогда причащался Божественныхъ Христовыхъ Таинъ, теперь причащается бѣсовской трапезы, прежде училъ истинѣ,

теперь ведетъ людей къ погибели; прежде со святыми праздновалъ, нынѣ съ сатанинскими слугами ликуешь; прежде сущихъ во тьмѣ вель ко свѣту, теперь самъ объять тьмою. Погубилъ ты свою надежду, лишилъ себя небеснаго сокровища. И что ты сдѣлаешь, и что скажешь, когда явишься къ небесному Судии?“ Братія, мы не кланяемся идоламъ; но какъ многіе изъ насъ служатъ страстямъ? а служеніе страстямъ есть идолопоклоненіе; *идоломаніе*, по точному выраженію Слова Божія, *есть идолослуженіе*; для сластолюбца и плотоугодника, по выраженію Апостола, богъ чрево. Гордый боготворитъ самого себя и свои способности. Всѣ мы христіане, но всѣ ли живемъ по-христіански? какъ многіе имѣютъ видъ благочестія, а силы его не имѣютъ; на словахъ вѣруютъ въ Бога, а дѣлами отрицаютъ Его; словами славятъ Бога, сердцемъ же далече отстоятъ отъ Него. Вотъ теперь постъ; всѣ ли постятся? всѣ ли причащаются Святыхъ Таинъ? А у причащающихся всегда ли уста ихъ исполнены хваленія Твоего, Господи? Не исходятъ ли изъ нихъ, какъ изъ смрадной печи, слова срамныя, хульныя? Что же это? Одними и тѣми-же устами и прославляемъ Бога и клянемъ ближняго; подобаетъ ли сему быти? Течетъ ли изъ одного источника вода горькая и сладкая? Вотъ заповѣдь Божія: *помни день субботный еже святити его*; но когда больше пьянства, ссоръ, дракъ, какъ не въ Воскресеніе? Увы! въ Воскресный день народу больше на базарѣ, чѣмъ во храмѣ! Всѣ знаютъ, что красть грѣхъ; но какъ часто многіе, повидимому образованные, люди обижаютъ вдовъ и сиротъ, а пользоваться общественнымъ добромъ, повидимому, и грѣхомъ не считается. Не только Законъ Божій, но и природа наша говоритъ, что прелюбодѣяніе есть грѣхъ; а сколько разводовъ именно по причинѣ любодѣянія: а требованіе развода по всякой винѣ? Развѣ это не голосъ разнузданности плоти, не голосъ прелюбодѣянія? Ложь, говорятъ, гнусна; но какъ часто лгутъ, лгутъ опять, повидимому, люди образованные, клеветуютъ на правительство, обманываютъ народъ, льстятъ его дурнымъ страстямъ? Всѣмъ таковымъ *нѣсть радоватися*. *Нѣсть радоватися нечестивому*, говоритъ Слово Божіе. Если бываетъ въ нихъ радость, то она всегда бываетъ кратковременна и нечестива; послѣ ихъ веселья всегда настаетъ тяжелое похмѣлье. Ихъ радость не освѣжаетъ, не укрѣпляетъ, не ободряетъ человѣка. Она тѣлу расслабленіе, душѣ помраченіе, имуществу разореніе. Аминь.

О ев. ап. Павлѣ и его посланіяхъ *).

Епископа Михаила.

Лжеучители не думали уступить и авторитету апостоловъ, напротивъ, сами выдавали себя за апостоловъ („живіи апостоли“, какъ называетъ ихъ Павелъ). Гордость и фанатизмъ побуждали ихъ искать себѣ послѣдователей („хотятъ вамъ обрѣзоватися, говоритъ апостолъ, да въ вашей плоти похвалятся,“ Гал. 6, 13). Они разсѣялись повсюду, появлялись и въ самыхъ знаменитыхъ Церквахъ изъ языковъ, какъ-то: въ римской, коринтской, галатійскихъ и др., колебали и даже увлекали къ своему ученію цѣлыя Церкви. Итакъ, противъ этихъ учителей была самая настоятельная потребность раскрыть и утвердить непонимаемую ими истину Христову, раскрыть и утвердить съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ она была затемняема и подрываема. Такъ какъ лжеучители, не понимая духа и смысла ветхозавѣтныхъ образныхъ формъ, усиливались утвердить непреложность и неизмѣнность ихъ въ христіанствѣ, какъ будто бы онѣ были важны и спасительны сами по себѣ, то требовалось раскрыть, что въ нихъ предъявлялась именно истина христіанства, которая и сообщала имъ важность, и что потому эти прообразовательныя формы, съ затемнѣніемъ своимъ и съ полнымъ открытіемъ христіанской истины, лишаются необходимо своей важности и силы или, что то же, отминаятся. Такъ какъ лжеученіе поставляло оправданіе чрезъ исполненіе закона и, слѣдовательно, чрезъ заслугу собственныхъ дѣлъ, а не вѣрою во Христа, то нужно было разъяснить и доказать, что безъ Христа предлежитъ человѣку гибель и проклятіе съ самымъ закономъ, и что для оправданія и спасенія человѣку должно усвоить своему духу и именно чрезъ живую вѣру правду, именно Христову.

Это одна сторона (впрочемъ, важнѣйшая) переворота въ устройствѣ Церкви образующейся,—отраженіе идей христіанскихъ въ іудеяхъ или соприкосновеніе этихъ идей съ выродившимся іудействомъ. И мы представили это лишь въ общихъ чертахъ, оставляя частности до другого мѣста. Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону—соприкосновеніе этихъ идей съ язычествомъ, хотя тоже здѣсь въ общихъ чертахъ.

*) Продолженіе.—См. № 10.

Высказанному состоянію іудейства предъ христіанствомъ, какъ состоянію мертвой буквы образовъ (изъ чего, какъ мы видѣли, и выродилось заблужденіе іудействующихъ, такъ неблагопріятно встрѣтившееся съ христіанствомъ), этому состоянію подобно было въ своемъ родѣ и язычество: отъ Бога истиннаго язычники отпали и служили богамъ чуждымъ, первоначально потому, что живо чувствуя въ природѣ слѣды Высшей Силы—божественной, по своимъ мудрованіямъ и мечтательности, приписали, однако, ее тварямъ и, такимъ образомъ, уразумѣвъ Бога въ природѣ, не прославили и не возблагодарили Его, какъ Бога; съ продолженіемъ времени, слѣды божественнаго въ природѣ для нихъ болѣе и болѣе затемнялись и закрывались въ тваряхъ, и, наконецъ, стали они служить бездушнымъ идоламъ не по чувству невольнаго благоговѣнія предъ величественными или благодѣтельными явленіями природы, но, по апостолу, „ходили ко идоломъ безгласнымъ, яко ведоми насильно“, и, такимъ образомъ, обожаніе твари, идолопоклонство отяготѣло на языкахъ всей смертной и жестокой своей тяжестью. Обращаясь къ христіанству, не всѣ же успѣвали рѣшительно отказаться отъ своихъ вѣрованій и убѣжденій и сбросить узы прежняго мудрованія и предразсудковъ и, такимъ образомъ, явиться зрѣлыми мужами въ христіанствѣ; явились заблужденія въ догмѣ и практикѣ; высокія истины христіанства часто были неправильно понимаемы и толкуемы, подъ вліяніемъ прежнихъ вѣрованій,—особенно истины относительно Лица Христова, тайны искупленія, призванія и значенія языковъ, будущаго пришествія и т. п. Въ посланіяхъ апостола мы встрѣчаемъ много указаній и намековъ на это.

Наконецъ, во время этого великаго переворота, когда Церковь водворилась въ язычникахъ, удержавъ въ себѣ только малый остатокъ Израиля, неизбѣжны были многія другія затрудненія и недоумѣнія для христіанъ, особенно въ практикѣ церковной, въ общественномъ и семейномъ быту. Если и всякое нововведеніе, какъ свидѣтельствуется исторія, не вдругъ всѣми должнымъ образомъ бываетъ понято и примѣняемо къ дѣлу, то тѣмъ болѣе столь чрезвычайный и для всѣхъ новый порядокъ новозавѣтный, открывающійся притомъ при враждебности противъ него іудейства и язычества. Такъ, нѣкоторые изъ обрѣзанныхъ, не раздѣляя, впрочемъ, заблужденія іудействующихъ, еще не имѣли всей крѣпости вѣры, чтобы считать безразличными для себя ветхозавѣтныя формы и постановленія въ ихъ обветшавшей буквѣ, и потому легко соб-

лазнялись и затруднялись въ распорядкѣ времени, и въ употребленіи пищи, не отвыкнувъ еще отъ буквального разумѣнія и исполненія законныхъ предписаній объ этихъ предметахъ. Обращенные изъ язычниковъ также уязвлялись и осквернялись въ совѣсти, входя въ общеніе съ язычниками или видя принимающихъ общеніе въ трапезахъ языческихъ. Обращенные изъ іудеевъ не вдругъ привыкали видѣть и язычниковъ въ нѣдрахъ Церкви Божіей, имѣющихъ равное съ ними значеніе. Обращенные изъ язычниковъ или увлекались принимать участіе въ обрядахъ и торжествахъ язычниковъ, или же презрительно не входили съ ними ни въ какое общеніе. Отсюда взаимныя недоразумѣнія и раздѣленія между обращенными изъ іудеевъ и язычниковъ становились тѣмъ болѣе непримиримыми. Далѣе, браки съ невѣрными, суды у невѣрныхъ и пр.—все это требовало особыхъ постановленій, предостереженій, внушеній. Затѣмъ, тѣ и другіе христіане — изъ іудеевъ и язычниковъ — вообще болѣе или менѣе жили и для ветхаго человѣка, съ его страстями и похотьми, которыя дѣйствовали особенно сильно, какъ и во время всякихъ переворотовъ, и тѣмъ опаснѣе для христіанства, что христіане были со всѣхъ сторонъ окружены невѣрующими, и пр. Самый чинъ новой Церкви, распространяющейся всюду, нужно было еще устроить и развить изъ основаній и духа христіанства, — какъ и гдѣ собираться для богослуженія, какъ должны возносить молитвы мужчины и женщины, какія права и обязанности іерархіи — все это, извѣстное и обычное для насъ, было живыми вопросами времени, неотступно требующими разрѣшенія.

Правда, въ этомъ состояніи новообразующейся Церкви необыкновенно обильны и разнообразны были чрезвычайныя дарованія Духа, но и тутъ рождались затрудненія и даже безпорядки: не всегда къ общему назиданію и съ строгимъ благочиніемъ пользовались этими дарованіями. Было сильно и дѣятельно общее усердіе христіанъ служить благовѣстію или непосредственнымъ въ немъ участіемъ или помощію проходящимъ это поприще. Но и чрезъ это, съ другой стороны, открывалось удобство усѣхамъ лжеучителей; и, кромѣ того, брались за дѣло учительства иногда люди, еще водящіеся страстями, и пр. и пр. Нужно было во все это войти и все привести въ должный порядокъ.

Скажемъ кратко: обстоятельства и потребности Церкви въ періодъ апостольской дѣятельности Павла были таковы, что требовалось, главнымъ образомъ, во-первыхъ, всестороннее

раскрытіе тайны призванія языковъ, потомъ полное развитіе ученія объ оправданіи вѣрою, и, такимъ образомъ, отмѣненіе законныхъ ветхозавѣтныхъ формъ, съ разъясненіемъ притомъ ихъ духа и значенія; всестороннее, полное и глубокое развитіе идеи искупленія всѣхъ и вообще догмы о Спасителѣ, и, наконецъ, разрѣшеніе всѣхъ разнообразныхъ затрудненій, касающихся и внѣшнихъ отношеній членовъ Церкви, и внутренняго ея чина, и разныхъ частныхъ истинъ вѣры и проявленій тогдашней христіанской жизни.

Въ удовлетвореніи всѣмъ многообразнымъ потребностямъ нововозникшей Церкви потрудился болѣе прочихъ апостоловъ Павелъ, по его собственнымъ словамъ, и на этомъ основаніи мы, несомнѣнно, заключаемъ, что для этого онъ и призванъ былъ къ апостольскому служенію, — для этого и нуженъ былъ новый апостоль. И въ самомъ дѣлѣ, и обстоятельства воспитанія и личныя свойства Павла вполне приготовили его къ тому, что онъ могъ потрудиться въ удовлетвореніи этихъ потребностей болѣе, чѣмъ прочіе апостолы, хотя и эти послѣдніе болѣе или менѣе трудились въ томъ же дѣлѣ.

Мы уже видѣли обстоятельства воспитанія и приготовленія Савла.

Ложь правды законной Павелъ испыталъ на самомъ себѣ вполне и развилъ ее до послѣдней крайности въ своей дѣятельности, и тутъ же открылась и дарована ему правда единственно милости Божіей, покрывающей и изглаждающей всѣ вины и притомъ гонителя поставляющей въ апостола. Черезъ это оказался онъ особенно готовымъ къ воспріятію и разъясненію той христіанской истины, развитіе которой составляло существенную, первую потребность того времени, — истины, что оправдывается человекъ не закономъ ветхозавѣтнымъ, но благодатію, пріемлемою чрезъ послушаніе вѣры. И вотъ, во время перваго же апостольскаго путешествія, онъ ясно и опредѣленно изрекаетъ эту истину: „отъ всѣхъ, отъ нихъ же не возмогосте въ законѣ Моисеовѣ оправдаться“, говоритъ онъ іудеямъ въ первой рѣчи своей, „о Семѣ (Христѣ) всякъ вѣрующій оправдается“ (Дѣян. 13, 39); и эта истина стала краеугольнымъ камнемъ его ученія въ послѣдующія времена, развитіе которой составляетъ важнѣйшую сторону его посланій.

Савлъ, ратуя за внѣшнія формы іудейства, оказался враждебнымъ самому существу завѣтовъ и обѣтованій древнихъ — существенному предмету пророческихъ откровеній ветхоза-

вѣтныхъ, который, наконецъ, во всемъ свѣтѣ открылся ему. Ясно, какъ совершился онъ чрезъ это къ воспріятію той истины, что формы ветхозавѣтныя, затемненныя въ своемъ существенномъ значеніи, уже стали ветхи, негодны, и что онѣ должны быть отмѣнены, когда явилась сама предъизображаемая ими истина, — совершился къ тому, чтобы открытыми очами созерцать предъявленіе въ Ветхомъ Завѣтѣ тайны собственно христіанской. Такъ, уже въ первыхъ рѣчахъ, обращенныхъ имъ къ іудеямъ, онъ, для убѣжденія ихъ, раскрываетъ имъ самую исторію Ветхаго Завѣта и предостерегаетъ, „да не придетъ на нихъ реченное во пророцѣхъ“ (XIII, 16—41), и во всю послѣдующую жизнь свою онъ постоянно является борникомъ того ученія противъ іудействующихъ, чтобы не отягощать обращающихся язычниковъ формами іудейства.

Далѣе, Савлъ на себѣ самомъ испыталъ, сколь нелѣпы и наразумны гордыя мечты іудеевъ о своемъ превосходствѣ какъ народа избраннаго; онъ самъ раздѣлялъ противленіе этого народа, тогда какъ язычники начинали уже оказывать послушаніе благодати, которая, однако, обрѣла же и его. Какъ послѣ этого смотрѣть на свой народъ съ гордостью, какъ на необходимую область Церкви, а на язычниковъ — съ отвращеніемъ, какъ на враговъ Божіихъ и отверженныхъ? Потому-то Іисусъ и нашель его вѣрнымъ и готовымъ къ тому, чтобы ввѣрить ему благовѣствованіе именно язычникамъ и для этого открыть ему во всемъ свѣтѣ тайну призванія языковъ. Видите, какъ самыя прежнія заблужденія или воспитаніе въ извращенныхъ истинахъ послужили къ тому, чтобы приготовить въ его духѣ мѣсто раскрытію истины съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ была нужда раскрыть ее въ тѣ времена Церкви.

Что касается духовныхъ совершенствъ и свойствъ Павла, то, по всѣмъ признакамъ и прямымъ свидѣтельствамъ исторіи — это была рѣдкая и необыкновенная натура, которая, предавшись христіанству, могла удовлетворить всѣмъ частнымъ потребностямъ вѣрныхъ въ устроеніи юной Церкви. Изъ всего извѣстнаго объ немъ виденъ умъ твердый, любознательный, способный обнимать предметъ вдругъ, со всѣхъ сторонъ, отчетливый во всѣхъ поступкахъ. Видно также изъ прежней его жизни, что онъ не умомъ только хотѣлъ жить, но и сердцемъ, глубокимъ столько же, какъ и воспримчивымъ; признанное и одобренное умомъ онъ принималъ и въ глубину сердца. А потому одаренъ онъ былъ и волей энергической, твердой и рѣшительной въ томъ, чтобы опредѣленія ума и движенія

сердца выражать и исполнять въ соотвѣтственной внѣшней дѣятельности. И въ этой-то натурѣ, шедшей со всѣмъ убѣжденіемъ по ложному пути, послѣдовалъ совершенный переломъ. Можно представить, каковою явилась она подъ благодатнымъ наитіемъ и руководствомъ Духа Христова!

Когда Савлъ и лжи, принимаемой имъ за истину, былъ преданъ такъ, что былъ недоступенъ ни для какого вразумленія, кромѣ Самого Бога, то, по открытіи ему непосредственно истины Божіей, тѣмъ болѣе свойственно было, чтобы онъ всецѣло предался ей, ибо онъ ее же и имѣлъ цѣлью грежде, когда на самомъ дѣлѣ гналъ ее. Свойственно такой душѣ, чтобы отселъ тѣмъ болѣе не знать ни какихъ другихъ правилъ и внушеній, кромѣ принятой истины, чтобы предаться ей всей душой, чтобы жертвовать ей всѣмъ, а это не могло не привлекать къ нему новыхъ, непосредственныхъ озареній. Далѣе, если Савлъ ревновалъ объ утвержденіи и призрака божественной истины такъ, что не удовлетворялся дѣйствовать въ этомъ духѣ въ Иерусалимѣ или Иудеѣ только, а устремлялся и въ чужіе города, въ языческій Дамаскъ, напримѣръ, то тѣмъ болѣе свойственно было, чтобы, озарясь непосредственно самымъ свѣтомъ истины, онъ оказался готовымъ сосудомъ къ разнесенію этой истины всюду, гдѣ только можно было быть ему. Иисусъ нашель его такимъ сосудомъ уже при самомъ обращеніи его, когда сказалъ ему лично, что на то Онъ и явился ему, чтобы сдѣлать его апостоломъ языковъ,—пронести имя Еге далеко, что сказано было о немъ и Ананіи. Обращенныя на другой путь, просвѣщенныя и укрѣпленныя его силы душевныя явились необыкновенны, какъ видно изъ его дѣятельности въ качествѣ апостола и изъ посланій его.

Твердый, во всемъ отчетливый и любознательный умъ Павла, ставъ живымъ и совершеннымъ орудіемъ и вмѣстилищемъ ума Христова, какъ онъ самъ выражается, уразумѣлъ глубину любви Божіей, протершейся въ искупленіи на весь міръ, уразумѣлъ и въ ея неизслѣдимыхъ основаніяхъ во глубинѣ тріединого Существа и предвѣчнаго Совѣта Божія, и въ ея чудесномъ открытіи и совершеніи на землѣ, и въ ея безпредѣльномъ пространствѣ, въ ея приложеніи къ состоянію міра, который безъ нея растлѣнъ, и къ состоянію человѣка, который безъ нея находится въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ внутреннихъ и явно въ духовной смерти, къ различнымъ отношеніямъ, обстоятельствамъ людей, ею одною истинно про-

ясняемыхъ и благоустрояемыхъ; сказать короче: этотъ умъ, предавшисъ Христу, владѣеть Имъ Самимъ: „мы имамы умъ Христовъ“, говорить онъ самъ о себѣ. Сердце Павла, и въ естественномъ состояніи всякую мысль ума переводящее въ собственное чувство, теперь, предавшисъ Христу, исполнилось во всей глубинѣ своей этой любовью Божіей, — любовью, по которой Иисусъ умеръ на крестѣ, такъ что Павелъ, по его собственнымъ словамъ, желалъ бы пожертвовать собою, своимъ вѣчнымъ спасеніемъ спасенію другихъ, радовался во всѣхъ страданіяхъ на поприщѣ служенія ближнимъ, непрестанно молился и благодарилъ за всѣхъ своихъ чадъ; носилъ ихъ постоянно въ своемъ любящемъ сердцѣ и со всѣми успѣхами и совершенствами, составлявшими для него вѣнецъ радости, и съ ихъ немощами, отъ которыхъ самъ изнемогалъ, съ ихъ соблазнами и искушеніями, стрѣлы которыхъ и его ранили и разжигали. Воля его, столь ревнивая и энергическая, стремилась эту, познанную умомъ и усвоенную сердцемъ, любовь Божію выразить и исполнить въ соотвѣтственной внѣшней дѣятельности, распространяя свѣтъ ея на весь міръ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ считалъ себя всѣмъ должнымъ — іудеямъ и еллинамъ, ближнимъ и дальнимъ, знакомымъ и незнакомымъ, и особенно стремился съ благовѣствованіемъ туда, „идѣже не благовѣстися о Господѣ и не слышаша о немъ“ (Рим. 15, 23), терпѣлъ всякія и отъ всѣхъ бѣды, болѣе другихъ бывалъ „въ трудахъ, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертѣхъ многаши“ (2 Кор. 11, 23), — во всѣхъ отношеніяхъ самъ себя ограничивалъ, самъ работалъ для снисканія пищи, дабы не стѣснять другихъ и не положить препонъ евангелію; ко всѣмъ приспособлялся и всѣхъ покорялъ себѣ, „да всяко нѣкія спасетъ“, и за всѣмъ тѣмъ изнурялъ и умерщвлялъ собственную плоть разными духовными подвигами, изъ опасенія самому остаться неключимымъ, проповѣдуя другимъ, и за всѣмъ тѣмъ постоянно стремился впередъ, „не убо помышляя себе достигша“.

Съ такимъ умомъ Христовымъ, съ такимъ сердцемъ, бьющимся любовью Христовою, съ этимъ сильнымъ, энергическимъ духомъ Павелъ какой духовной нуждѣ удовлетворить не могъ? И онъ дѣйствительно удовлетворилъ всѣмъ многоразличнымъ потребностямъ, потрудился для удовлетворенія ихъ болѣе, чѣмъ другіе апостолы. „Азъ мнѣ апостоловъ“, говорить онъ, „но паче всѣхъ ихъ потрудихся; не азъ же“, прибавляетъ онъ

смиренно, „но благодать Божія, яже со мною“ (1 Кор. 15, 9—10). Какъ онъ удовлетворялъ ихъ, увидимъ изъ разбора его посланій.

Въ посланіяхъ ап. Павла вполне выразились личныя свойства этого „избраннаго сосуда“, какъ назвалъ его Самъ Иисусъ, и отпечатлѣлись личныя обстоятельства его, какъ въ самомъ его совершеніи въ избранный сосудъ, такъ и въ разныхъ періодахъ его апостольскаго служенія. И этими двумя общими чертами опредѣляется общій характеръ его посланій. Такъ:

1) По свойству столь необыкновеннаго, обширнаго, твердаго и отчетливаго ума Павлова, который, ставъ сосудомъ самаго ума Христова, по собственному выраженію Павла, въ этомъ состояніи является во всемъ величіи и совершенствѣ,—посланія Павловы отличаются твердой и побѣдоносной діалектикой, разносторонней и глубокой изслѣдовательностію, логическимъ строгимъ порядкомъ даже и въ возвышенныхъ созерцаніяхъ (напр. въ 1-й гл. Ефес.) и въ преподаваніи разныхъ краткихъ правилъ и наставленій. Изъ этого общаго свойства логической твердости и послѣдовательности изъясняется та особенность какъ положительно-созерцательныхъ, такъ и чисто-изслѣдовательныхъ посланій апостола, что въ нихъ за догматическою частію слѣдуетъ обыкновенно и правоучительная, какъ за основаніемъ—выводы, относящіяся къ дѣятельности. Такъ, въ посланіи къ Римлянамъ, Галатамъ, Ефесянамъ, Колоссянамъ и къ Евреямъ. Эти пять посланій въ особенности содержатъ въ себѣ изложеніе и развитіе теоретической стороны христіанства и потому съ особенной силой запечатлѣны характеромъ твердости, глубины, діалектической силы и строгой послѣдовательной связи въ изложеніи мыслей.

Движимое любовью сердце апостола, съ его широтою, не тѣсно вмѣщающею въ себѣ кого бы то ни было, по его собственному выраженію, и притомъ съ чрезвычайною глубиною и силою чувствъ, полагаетъ также особую печать на его посланія. Мысли его окрылены вообще чувствомъ, быстры въ своемъ теченіи, даже и при спокойномъ ихъ раскрытіи, какъ въ посланіи къ Евреямъ; отвлеченныя понятія, оживленныя сильнымъ чувствомъ, облекаются въ живые образы; иногда цѣлое изслѣдованіе идетъ рядомъ вопросовъ и восклицаній (Рим. 10, 14 и сл., также 11) и, не прерывая связи мыслей, разрѣшается въ пламенныхъ и возвышенныхъ молитвахъ и словословіяхъ (особ. въ посл. къ Ефес.); множество въ посланіяхъ и прямо сердечныхъ изліяній. Въ этомъ отношеніи особенно

замѣчательно начало каждаго посланія, гдѣ апостоль, почти обыкновенно, раскрываетъ свое сердце, неразлучное съ его чадами и всегда томящееся за нихъ. Изъ его посланій особенно сердечностію отличается 2-е посланіе къ Коринѳянамъ, гдѣ изливается пламенная ревность его любви, по поводу колебавшагося къ нему довѣрія коринѳянъ; посланія — къ Филиппійцамъ, 1-е къ Солунянамъ и Филимону, гдѣ услаждается любовь его вѣрностію чадъ или своей увѣренностію въ ихъ благопокорливости, или другими ихъ добродѣтелями.

Необыкновенно энергическая воля его, одушевленная силою Христовой, запечатлѣла посланія его тѣмъ характеромъ, что въ нихъ даже самыя изслѣдованія и созерцанія суть „какъ бы рѣчи вождя, воодушевляющаго воиновъ на битву“ (выраженіе Златоуста). Нѣтъ и слѣда чисто-отвлеченныхъ истинъ, но все или взято изъ жизни, или прямо направляется къ ней; равно и чувства его не въ кроткомъ успокоеніи, какъ у Іоанна, или стремительномъ изліаніи, какъ во второмъ Петровомъ посланіи, но въ живомъ дѣйстви, управляемомъ безыскусственнымъ, вѣрнымъ духовнымъ благоразуміемъ. Это послѣднее особенно открывается при борьбѣ двухъ, въ какомъ-либо отношеніи противоположныхъ, чувствъ. Такъ, напр., чувство ревнивой любви къ его чадамъ во Христѣ заставляетъ его самого раскрывать свои апостольскія достоинства для возбужденія довѣрія къ себѣ въ своихъ возлюбленныхъ чадахъ, а глубокое чувство смиренія не терпитъ провозглашенія собственныхъ духовныхъ совершенствъ. И вотъ, напр., въ какомъ дѣйстви являются эти взаимно борющіяся духовныя изложенія (2 Кор. XI, 1—2, 5—7, 16—19, 20—31; XII, 1—10, 11—13). Видите, вмѣстѣ съ рѣшимостью говорить о своихъ достоинствахъ, какъ вопіетъ смиреніе, и какъ онъ прибѣгаетъ къ униженію себя и упреку даже въ безразсудствѣ: „потерпите хотя мало моему безумію, что я хвалюсь, по безразсудству хвалюсь и говорю, что я ничѣмъ не меньше прочихъ апостоловъ, даже больше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; но вы сами заставляете меня такъ хвалиться въ неразуміи—Господь свидѣтель“ и пр. Такъ мудро энергической волей направляется борьба этихъ противоположныхъ чувствъ! Такъ, въ посланіи къ Римлянамъ, открывается въ дѣйстви и борьбѣ чувство противленія Израиля и вмѣстѣ жалость любви къ тѣмъ, „отъ нихъ же Христосъ по плоти“, и примиряется въ стремленіи апостола пожертвовать даже своимъ вѣчнымъ спасеніемъ для ихъ спасенія. Въ посланіи къ Галатамъ та же борьба: слад-

кое чувство при воспоминаніи о прежнемъ усердіи и любви къ нему Галатянь, принявшихъ его какъ ангела, какъ Самого Христа, и вмѣстѣ чувство скорби и негодованія на ихъ безразсудное увлеченіе ложью (Гал. IV, 12—19. И вслѣдъ за тѣмъ говоритъ уже совершенно другимъ тономъ (20—21 и сл.).

Вообще, повторимъ кратко: посланія апостола Павла отличаются сильной логикой и глубокомысліемъ, но вмѣстѣ оживлены сильными и разнообразными сердечными чувствованіями и, наконецъ, направлены къ самой энергической практикѣ, такъ что апостоль, и по мыслямъ и по чувствамъ, находится какъ бы въ открытомъ внѣшнемъ дѣйствованіи, входитъ въ затрудненія, борется, и—то какъ бы уступаетъ, то возстаетъ съ новой силой и всегда побѣдоносенъ. Златоустъ такъ любитъ называть Павла воиномъ, и мы пользуемся его метафорой.

Объ языкѣ своихъ посланій самъ апостоль сказалъ, что онъ проповѣдывалъ „не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ“, т.-е. не заботился о внѣшнемъ искусствѣ. За то тѣмъ полнѣе въ самомъ словѣ выражались и сила его мысли, и пламень чувства. И эта внутренняя энергія апостольской рѣчи, сообщающая ему характеръ воина въ рѣшительной битвѣ, съ силой дѣйствовала на другихъ. Потому неудивительно, что нѣкоторые изъ древнихъ почти не находятъ словъ для изображенія силы рѣчи Павловой. Блаженный Иеронимъ, учитель, особенно уважавшій искусство словъ и даже пристрастившійся къ изящнымъ римскимъ произведеніямъ, говоритъ: „сколь ни часто читаю я ап. Павла, но все кажется, что я внимаю не только словамъ, но и громамъ. Слова его, повидимому, просты, какъ слова безыскусственнаго, простаго человѣка, но куда ни посмотришь, это—молнія“. Въ томъ же смыслѣ часто говаривалъ и Златоустъ. Лонгинъ, древній языческій критикъ и риторъ, причисляетъ апостола къ величайшимъ ораторамъ Греціи. Отъ особенной глубины мысли у апостола встрѣчаются образовавшіяся въ христіанствѣ слова съ новымъ, особеннымъ ихъ значеніемъ: „вѣра“, „благодать“, „накибытіе“, „оправданіе“, „образъ Упостаси Божіей“, „перворожденъ“ и пр. Въ теченіе рѣчи, отъ быстроты и свободы въ теченіи мыслей и чувствованій, иногда бываютъ перерывы, отступленія, но не останавливающіе и не затрудняющіе общаго логическаго хода рѣчи.

2) По тѣмъ особеннымъ обстоятельствамъ апостола, какъ онъ призванъ въ христіанство и апостольство, на себѣ самомъ извѣдавъ ложь іудейства, случается, что онъ и раскрываетъ

свое ученіе въ собственномъ примѣрѣ. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи мѣсто изъ посланія къ Римлянамъ о внутренней борьбѣ человѣка, безсильнаго исполнить законъ, и о радости благодатнаго спасенія. Здѣсь все человѣчество въ его лицѣ и примѣрѣ (7, 7 и сл.). Отъ особенныхъ обстоятельствъ воспитанія въ іудействѣ и отъ близкаго ознакомленія съ язычествомъ въ языкѣ апостола видны гебраизмы, и есть цитаты изъ языческихъ писателей. По различію трехъ періодовъ его апостольскаго служенія—до узъ, въ узѣхъ и послѣ первыхъ узъ, посланія, относящіяся къ каждому изъ этихъ періодовъ, носятъ особую печать времени: посланія перваго періода—печать широкой дѣятельности, втораго—печать чувствительности, третьяго—печать предсмертнаго завѣщанія и т. д. Подробнѣе мы увидимъ всѣ эти характеристическія черты Павловыхъ посланій при самомъ разборѣ и объясненіи ихъ.

Въ библейскомъ собраніи Павловыхъ посланій они размѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ—не по времени ихъ происхожденія, а по важности самыхъ посланій и по важности Церквей и лицъ, для которыхъ они первоначально писаны. Такъ, сначала помѣщены посланія къ цѣлымъ Церквямъ, по ихъ важности—къ Римлянамъ, 2 къ Коринѣянамъ, Галатамъ, Ефесянамъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ, 2 Солунянамъ. Потомъ—посланія къ частнымъ лицамъ—2 къ Тимоѳею, къ Титу и Филимону. Посланіе къ Евреямъ, одно изъ важнѣйшихъ по содержанію и писанное къ одной изъ важнѣйшихъ Церквей—Палестинской, поставлено послѣ всѣхъ, конечно, потому, что въ подлинности происхожденія его отъ ап. Павла въ древности было много сомнѣній.

Хронологическій порядокъ этихъ посланій таковъ: написанныя прежде его узъ: 2 посланія къ Солунянамъ, къ Галатамъ, 2 къ Коринѣянамъ и послѣднее—къ Римлянамъ. Писанныя изъ Рима—въ узѣхъ: посланія къ Ефесянамъ, Колоссянамъ, Филимону и Филиппійцамъ; послѣ первыхъ узъ—такъ называемыя „пастырскія“ посланія—къ Тимоѳею, Титу и къ Евреямъ.

Взаимное отношеніе этихъ посланій по содержанію таково: въ посланіи къ Римлянамъ и Галатамъ изслѣдуются истины оправданія вѣрою, отмѣненія закона Моисеева и тайны призванія въ Церковь язычниковъ, почти со всѣхъ затруднительныхъ своихъ сторонъ—по догмамъ и историческимъ вопросамъ и недоразумѣніямъ, которыми іудействующіе смущали вѣрующихъ язычниковъ. А въ посланіи къ Евреямъ разъяс-

няется тайна оправданія вѣрою и вообще новозавѣтный порядокъ съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ неудобовразумителенъ былъ онъ собственно для вѣрующихъ іудеевъ; здѣсь раскрывается превосходство новозавѣтнаго порядка предъ ветхозавѣтнымъ и замѣненіе этого послѣдняго первымъ, при единствѣ, впрочемъ, существа дѣла въ томъ и другомъ, такъ какъ Одинъ Законодатель и того и другого. Въ этихъ трехъ посланіяхъ содержится вообще умозрительное и историческое изслѣдованіе и разъясненіе христіанства, разсматриваемаго съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ.

Посланіе къ Ефѣсянамъ и ближе другихъ подходящее къ нему посланіе къ Колоссянамъ изображаютъ новозавѣтную Церковь, въ ея основаніи, духѣ, жизни и всеобъемлемости. Въ этихъ посланіяхъ раскрываются яснѣе и глубже, нежели въ другихъ, положенія христіанской истины, въ ея всеобщности.

Посланія къ Филиппійцамъ и оба къ Солунянамъ благоустрояютъ духовно-нравственное состояніе христіанъ, утверждая ихъ на пути къ духовному совершенству и предостерегая отъ напрасныхъ излишествъ и безпорядковъ въ духовной жизни.

Оба посланія къ Коринѣянамъ содержатъ и раскрываютъ ученіе о внутреннемъ и внѣшнемъ церковномъ устроеніи, о взаимномъ отношеніи членовъ Церкви, особенно объ отношеніи ихъ къ апостоламъ. Сродныя съ ними пастырскія посланія къ Тимоѳею и Титу предлагаютъ ученіе о благоустроеніи церковномъ, именно чрезъ пастырей, — отъ чего они и получили названіе пастырскихъ.

Наконецъ, посланіе къ Филимону представляютъ случай соприкосновеніе власти и правъ Церкви съ семейственными правами и гражданскою властью.

Свадебные обычаи въ древней Руси *).

Разсмотрѣвши брачные обычаи славянскаго народа въ періодъ дохристіанскій, коснувшись также нѣкоторыхъ обычаевъ въ позднѣйшее время, во времена христіанскія, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ свадебныхъ обычаевъ по введеніи у насъ христіанской вѣры. Разсмотримъ сначала обычаи свадебные въ XI—XVI в., а затѣмъ въ XVI—XVIII в. Указанные обычаи славянъ во времена языческія остались и по принятіи христіанской вѣры; нѣкоторые изъ нихъ подверглись вліянію христіанства, дѣйствию византійскихъ обычаевъ и законовъ, что особенно сказалось, какъ увидимъ, на обычаяхъ князей и царей. Въ простомъ же народѣ весьма долгое время, по введеніи христіанства, до самаго XVI в., ясно обнаруживались слѣды язычества, существовало двоевѣріе. Нѣкоторые изъ свадебныхъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, были заимствованы у Грековъ; нѣкоторые изъ народныхъ бытовыхъ обычаевъ внесены были и въ потребники. До XVI почти вѣка мы находимъ свѣдѣнія о свадебныхъ обычаяхъ по большей части отрывочныя, неполныя; въ XVI—XVIII в. эти свѣдѣнія являются болѣе полными; мы уже видимъ цѣлый чинъ свадебный. Къ этому времени свадьба осложняется многими другими обычаями. Въ виду этого, дальнѣйшее разсмотрѣніе свадебныхъ обычаевъ въ древней Руси для большаго удобства раздѣлимъ на два періода: первый—въ XI—XVI в., второй—въ XVI—XVIII в.

II.

Обращаясь къ свадьбамъ князей, мы видимъ, прежде всего, господство у нихъ обычая, который держался у полянъ. Это—заключеніе брака по волѣ родителей, господство ихъ авторитета, который не рѣдко подавлялъ волю и желаніе дѣтей. Это—распоряженіе родственниковъ и господъ судьбою брачующихся. Дѣйствующими лицами въ бракахъ князей являются родители. Вообще, въ древней Руси власть, авторитетъ родителей были весьма велики, доходя часто до произвола въ распоряженіи судьбою дѣтей⁵⁹⁾.

*) Продолженіе.—См. № 9.

⁵⁹⁾ „Житіе и погубленіе Бориса и Глѣба“, стр. 11--12 (рукоп. въ бібліотекѣ Моск. дух. акад., № 4102). П. С. Р. Л., т. I. стр. 135,

То притѣсненіе брачущихся, то подавленіе ихъ воли и желанія, которое было въ древней Руси, нерѣдко вызывало борьбу съ собою духовенства и церковныхъ уставовъ. Церковный статутъ, напр., Ярослава (XI в.), желая оградить свободу брачущихся, требовалъ уплаты въ пользу архіерея пени съ родителей, если ихъ дочь, выданная замужъ противъ воли, лишала себя жизни. Произволъ родителей въ распоряженіи судьбою своихъ дѣтей, однако, долгое время не могъ совсѣмъ искорениться. Сила обычая и народнаго сознанія, поддерживавшаго его, была настолько велика, что нельзя было сразу и рѣшительно искоренить указанную ненормальность въ отношеніяхъ родителей къ волѣ и желанію ихъ дѣтей. Насколько воля и собственное желаніе брачущихся мало имѣли значенія въ древне-русскомъ обществѣ, можно видѣть отчасти изъ выраженій лѣтописца: такой-то князь „поя дщерь“ за сына, „проси дщери“ „Отца дщерь“, или: „повелѣ женился“⁶⁰)...

Заключаемый по большей части по волѣ родителей, бракъ имѣлъ у нашихъ предковъ ту весьма *характерную особенность*, что для его устроенія требовались особыя лица, называемыя „сватами“ и „свахами“. Въ большинствѣ случаевъ сами родители находили сватовъ и свахъ, давали имъ разрѣшеніе на начатіе дѣла сватовства и устроенія брака. Свататься молодому человѣку самому считалось неприличнымъ. Устроеніе брака при помощи сватовъ и свахъ было естественнымъ и общимъ явленіемъ во всѣхъ классахъ древне-русскаго общества. Обычно, по порученію родителей жениха или по его собственному, сватали невѣсту сваты или свахи. Эти лица отправлялись въ домъ родителей или родственниковъ невѣсты, и здѣсь спрашивали у нихъ о желаніи ихъ отдать дѣвицу замужъ. Если родители или родственники изъявляли свое согласіе, то составлялась роспись приданаго, въ которую входило движимое и недвижимое имущество. Эта роспись, по принятому обычаю, передавалась жениху черезъ сватовъ. По большей части невѣста ничего не знала, что происходило между ея родственниками; она, по предписанію обычая, даже

г. 6652; с. 170, г. 6695; с. 180, г. 6713; с. 184, г. 6719; с. 193, г. 6738, т. II, стр. 9, г. 6630; с. 19, г. 6651; с. 39, г. 6656; с. 87 г. 6668; с. 92, г. 6671; с. 94, г. 6675; с. 121, г. 6686; с. 216, г. 6795 и пр.; Печатная Кормчая XVII в., кн. 6-я, гл. 50, листъ 138 изъ Библиотеки А. В. Горскаго, № 3037).

⁶⁰) П. С. Р. Л., т. II-й, стр. 79, г. 6663.

не показывалась жениху до сговора. Этотъ обычай имѣлъ мѣсто во всѣхъ классахъ общества. Въ виду строгаго запрещенія видѣть жениху свою невѣсту до сговора, назначались со стороны жениха опытныя женщины, такъ называемыя, „смотрящицы“, которымъ родители показывали свою дочь и которыя послѣ осмотра ея и бесѣды съ нею сообщали жениху о томъ, пригодна или нѣтъ для него невѣста ⁶¹⁾). Въ простонародьи до сего времени существуетъ обычай, по которому невѣста, прежде заключенія брачнаго договора, подвергается смотринамъ. При отсутствіи близкаго, непосредственнаго знакомства жениха и невѣсты, конечно, не было, или, лучше, было весьма мало мѣста взаимному согласію и влеченію. Часто главными интересами при заключеніи брака были интересы чисто матеріальныя—богатство, положеніе и пр.

Что касается собственно быта княжескаго, то въ древней Руси нельзя не отмѣтить одной особенности, касающейся избранія князьями себѣ жень. Рускіе князья избирали себѣ жень преимущественно изъ княжескихъ и другихъ знатныхъ домовъ, причемъ, до великаго князя Василия Іоанновича, было въ обычаѣ брать жень изъ разныхъ націй. У вел. кн. Владиміра, какъ извѣстно, передъ принятіемъ христіанства было нѣсколько жень и притомъ разныхъ національностей. Со времени же вел. кн. Василия Іоанновича обычай этотъ избранія жень среди княжескаго рода измѣнился. Съ этого времени и до конца XVII в. князья русскіе и государи Московскіе избирали себѣ невѣсть изъ своихъ подданныхъ. Для избранія Государю невѣсты, по царскому указу, къ назначенному сроку собирались въ Москву взрослые дочери служилаго люда, знатныхъ и незнатныхъ дворянъ. При избраніи себѣ невѣсты Государь обращалъ вниманіе на ея личныя качества, придавая весьма мало значенія знатности происхожденія. Самый выборъ невѣсты обозначался Государемъ врученіемъ платка той дѣвицы, которая болѣе всѣхъ ему нравилась. Съ соблюденіемъ подобнаго обычая состоялся, напр., въ 1547 г. выборъ супруги Іоанна Грознаго Анастасіи, дочери боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Такимъ точно образомъ происходилъ выборъ царскихъ невѣсть въ Византіи. Тамъ, какъ и у насъ, дѣлалось распоряженіе о собраніи къ извѣстному сроку дѣвиць брачнаго возраста, причемъ, правите-

⁶¹⁾ Котошихина: „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 120.

лямъ провинціи посылались подробныя инструкціи, въ которыхъ указывались ростъ и другія, требуемыя отъ невѣсты, качества. Обстановка, среди которой происходилъ выборъ, была такова. Въ назначенное время Императоръ, сопровождаемый однимъ царедворцемъ, осматривалъ невѣсть, одаривая при этомъ каждую изъ красавицъ платкомъ, шитымъ золотомъ съ драгоценными камнями. Избиралась та, которая болѣе другихъ была красива и вообще по своимъ личнымъ качествамъ болѣе всѣхъ другихъ нравилась Государю. Когда, наконецъ, выборъ невѣсты состоялся, то подружки избранной отсылались обратно, причѣмъ ихъ награждали разнаго рода подарками⁶²⁾.

Указавши на столь любопытный и оригинальный способъ избранія невѣсты царскихъ въ Византіи и у насъ въ древней Руси, мы возвратимся къ указанному нами выше обычаю устроения брака при помощи сватовъ и свахъ.

Обычай устроения брака при посредствѣ сватовъ и свахъ является однимъ изъ древнихъ у насъ обычаевъ. Какъ нами уже сказано, обычай этотъ имѣлъ мѣсто во всѣхъ классахъ, не исключая и княжескаго. Весьма ясныя указанія на это находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Еще при сватовствѣ древлянскаго князя Мала за княгиню Ольгу являлись отъ древлянъ сваты, которые назывались „людьми добрыми“, „гостями добрыми“⁶³⁾. Сваты пользовались большимъ уваженіемъ и почетомъ: имъ давали большіе подарки, они занимали почетное мѣсто среди поѣзжанъ и на свадебномъ пиру. Лѣтопись говоритъ намъ о томъ, какъ въ старину относились къ сватамъ и какимъ они пользовались уваженіемъ. Описывая свадьбу Верхуславы, дочери великаго князя Всеволода III-го, съ Ростиславомъ, сыномъ Рюрика, княжившаго въ Бѣлгородѣ, лѣтописецъ говоритъ, что „князь Рюрикъ сыгралъ сыну своему Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси“ и что „Якова—свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато“⁶⁴⁾.

Для удачнаго сватовства и счастливаго брака, по мнѣнію древне-русскаго человѣка, важно было найдти хорошаго свата или сваху. Эти люди ладили свадьбы, являлись устроителями

⁶²⁾ „Іоаннъ Грозный и Россія XVI в.“ Статья В. Тимошука въ журн. „Русская Старина“ за 1904 г., Авг., стр. 410.

⁶³⁾ Забѣлинъ: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, М. 1879 г., ч. 2-я стр. 171.

⁶⁴⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 136.

браковъ. Еще до сихъ поръ въ нашемъ народѣ живетъ поговорка: „не выбирай, женихъ, невѣсты, выбери сваху“. Сватъ и свахи выбирались, обычно, изъ людей женатыхъ и замужнихъ; холостыхъ сватами не посылали. Какъ сватъ, такъ и сваха являются всегда расторопными, умѣющими красно и завлекательно говорить. Въ одной былинѣ съ такими чертами рисуется сватъ князя Владиміра, по имени Дунай Ивановичъ. „Говорить гораздъ—ужь кому, какъ не ему бѣ и посвататься“.... Въ Малороссіи сваты называются людьми „дрюкованными“, „балакучими“, т. е. красно, завлекательно говорящими. Въ Малороссіи большею частію сватаютъ невѣсту, по порученію жениха или его родителей, при помощи свата, тогда какъ въ Великороссіи это дѣло исполняетъ сваха. Ловкость, обходительность съ людьми, умѣнье завлечь ихъ своими рѣчами—вотъ необходимыя черты, въ которыхъ представляется, обычно, сваха. Свою характеристику свахи народъ выразилъ въ наглядной и ясной формѣ: „на свашенькиныхъ рѣчахъ,—говоритъ народная поговорка,—какъ на саяхъ,—хоть садись, да катись“. Часто, желая восхвалить достоинства жениха и невѣсты, сваха допускала въ своихъ рѣчахъ, разговорахъ преувеличенія, говорила много лишняго, хвалила нерѣдко то, что не достойно и не требуетъ похвалы, обѣляла, какъ говорится, черное. И это хорошо отмѣчено народомъ въ разныхъ поговоркахъ. Такъ, про сваху говорятъ, что она „чужіе грѣхи на душу принимаетъ“, — „за чужую душу божится“.

Передъ началомъ сватовства у нашихъ предковъ сваха нерѣдко прибѣгала къ суевѣрнымъ дѣйствіямъ. Такъ, напр., она подходила къ печи и грѣла руки у нарочно разведеннаго огня. Это дѣйствіе имѣло свое значеніе: оно служило, по представленію народа, залогомъ успѣха въ сватовствѣ⁶⁵). Употреблялись и доселѣ употребляются свахами разные виды гаданія. Укажемъ здѣсь на одинъ.—Являясь, напр., съ предложеніемъ къ родителямъ невѣсты, сваха садится на лавку такимъ образомъ, чтобы половица изъ-подъ ея ногъ направлялась прямо къ двери. Это могло означать оставленіе невѣстой родительскаго дома, скорый ея выходъ замужъ⁶⁶).

Свахи, эти устроительницы браковъ, существовали во всѣхъ мѣстахъ Руси, но особенно ихъ было много въ Москвѣ. Здѣсь

⁶⁵) *Коринескаго*. „Народная Русь“, стр. 437—438.

⁶⁶) *Н. Степанова*: „Народные праздники на Святой Руси“, стр. 87.

въ старину онѣ представляли какъ бы цѣлое сословіе. Къ помощи свахъ особенно часто прибѣгали матери перезрѣлыхъ дочерей. Кто хотѣлъ жениться, тотъ могъ прямо обращаться къ свахамъ: имъ сообщали заранѣе родители лѣта невѣсты, опись приданого и брачныя условія. Свахи же уговаривались и съ родителями жениха ⁶⁷⁾.

Какъ устроительница свадьбы, сваха считалась необходимымъ свадебнымъ чиномъ, занимавшимъ почетное мѣсто среди поѣзжанъ, свиты жениха и невѣсты. Въ свадебныхъ церемоніяхъ она играла видную роль. Такъ, она причесывала новобрачнымъ головы, кормила новобрачныхъ курицею, когда приходили они въ спальню, осыпала ихъ въ спальнѣ и церкви хмѣлемъ и житомъ въ знакъ внѣшняго благополучія и плодородія въ супружеской жизни. Въ древнихъ служебникахъ сваха носитъ названіе „кумы“ или „вѣнчальной матери“.

Насколько важное значеніе имѣли у нашихъ предковъ сваты и свахи при устроеніи брачныхъ союзовъ, показываетъ уже то, что и до сего времени они не потеряли совсѣмъ своего значенія, особенно же среди простого народа, у котораго рѣдкая свадьба устроится безъ участія и помощи свата или свахи. Этотъ обычай, издавна существовавшій среди русскаго народа, какъ видѣли, имѣлъ ту дурную сторону, что при немъ часто подавлялись собственное желаніе и воля брачущихся. Дѣло вели сваты и свахи, причемъ, брачущіеся часто не знали хорошо другъ друга, не имѣли другъ къ другу ни влеченія, ни любви. Больше горя, при существованіи обычая устраивать бракъ при помощи сватовъ и свахъ, конечно, ложилось на долю дѣвушекъ, которыхъ родители старались во чтобы то ни стало пристроить замужъ. Нѣжное, любящее сердце дѣвушки искало любви, семейнаго счастья, мира, оно стремилось къ тому, чтобы найти для себя другое сердце, которое бы билось съ нимъ въ унисонъ. Но всѣ эти мечты и стремленія часто окончателно разбивались. Родители выдавали свою дочь за человѣка, къ которому она не чувствовала никакой любви. Этимъ объясняются многіе печальныя факты изъ супружеской жизни, имѣвшіе мѣсто въ древне-русскомъ обществѣ. Бывали случаи, когда жены изъ-за ненависти отравляли своихъ мужей. Въ свою очередь, женщины подвергались за такія дѣянія свои большимъ наказаніямъ. Для женщины, отравившей своего мужа, предусмотрѣно было закономъ ужас-

⁶⁷⁾ Ч. И. О. И. и Древн. Р. 1903 г. кн. 3-я, стр. 84—85.

ное наказаніе. Ученые изслѣдователи семейныхъ и общественныхъ нравовъ на Руси въ XVI в. указываютъ, что такую женщину для мученія закапывали по шею въ землю. Нѣкоторыя женщины, виновныя въ указанномъ злодѣяніи, желая избѣжать страшной участи, постригались въ монахини. Однако, имъ и въ этомъ случаѣ жилось не легко: онѣ, постригшись въ монахини, обязаны были жить въ отдѣльной кельѣ и носить кандалы⁶⁸⁾. Ничѣмъ инымъ, какъ гнетомъ родительской власти объясняется и то, напр., явленіе, что часто, особенно во второй половинѣ XVIII в., молодыя дѣвушки совершали съ любимымъ человѣкомъ романическіе побѣги изъ родительскаго дома, желая тѣмъ скорѣе освободиться отъ гнета родительской воли. Семейный деспотизмъ родителей объясняетъ намъ отчасти тѣ скорбныя и грустныя чувства дѣвушки при выходѣ ея замужъ, которыми полны народныя свадебныя пѣсни. Конечно, положеніе женщины въ древней Руси не вездѣ было одинаково. Въ сравнительно лучшихъ условіяхъ жила женщина южно-русская. Послѣдняя не подвергалась такой личной и матеріальной зависимости, какъ женщина сѣверо-восточной Руси. Въ юго-западной Руси, при заключеніи брачныхъ союзовъ, согласіе и воля неvěсты считались необходимымъ условіемъ, хотя при этомъ выборъ и воля неvěсты не должны были находиться въ противорѣчьи съ волей и желаніемъ родителей. Такъ было въ юго-западной Руси въ прошлые вѣка вообще, а въ особенности въ XVI—XVII в.в.⁶⁹⁾.

Указанное нами у нашихъ предковъ господство авторитета и власти родителей въ распоряженіи судьбою ихъ дѣтей обусловливалось, главнымъ образомъ, родовымъ бытомъ, при которомъ власть старшаго въ семьѣ считалась священной и неприкосновенною. Но нельзя здѣсь не видѣть и вліянія греко-римскихъ законовъ,—вліянія, сказавшагося особенно по принятіи русскими христіанства изъ Византіи. Въ Византіи власть родителей, и именно отца, въ брачныхъ союзахъ своихъ дѣтей была очень велика⁷⁰⁾. Это явленіе нашло для себя отраженіе въ Византіи и въ церковной практикѣ, откуда перешло и къ намъ: у насъ, какъ и въ Византіи, до самаго XVII в. не было въ чинѣ церковнаго вѣнчанія вопросовъ брачующимся

⁶⁸⁾ Журн. „Русская Старина“ за 1904 г. Авг. стр. 394—395.

⁶⁹⁾ Тамъ же, 1880 г. Ноябрь, стр. 552—553.

⁷⁰⁾ *Дубакина*: „Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя“, стр. 25.

о ихъ „благомъ и непринужденномъ произволеніи вступить въ бракъ“ ⁷¹⁾. Эти вопросы встрѣчаются въ требникахъ XVII в., хотя не во всѣхъ ⁷²⁾. Изъ потребниковъ и XVII в. можно находить такіе, въ которыхъ нѣтъ вопросовъ брачующимся о ихъ взаимномъ согласіи на бракъ. Такъ, ихъ нѣтъ въ потребникѣ 1623 г., нѣтъ вообще въ потребникахъ, напечатанныхъ при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ ⁷³⁾.

На такъ называемые „принужденные браки“, совершавшіеся или по страху отъ родителей, или по принужденію отъ господъ, безъ согласія брачующихся, было впослѣдствіи обращено у насъ вниманіе Петра Великаго. 5 Января 1724 г. имъ изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось „учинить во всемъ Россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію, безъ самопроизвольнаго ихъ желанія, отнюдь не принуждали и не брачили, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія; а понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзаютъ во время брака смѣло спорить и принужденіе объявлять одни за стыдъ, а другіе за страхъ, что уже послѣ является отъ несогласнаго тѣхъ неволею сочетанныхъ житія; того ради... прежде вѣнчанія брачныхъ приводить родителей ихъ къ присягѣ въ томъ, что одни не неволею-ль женятъ сына, а другіе не неволею-ль замужь дочь даютъ, также и господа съ рабами не такъ-ли поступаютъ“ ⁷⁴⁾. Указомъ Петра В. въ значительной степени ограничивался произволъ и родителей въ распоряженіи судьбою своихъ дѣтей и господъ въ распоряженіи судьбою своихъ рабовъ, подчиненныхъ. Насколько изданный Государемъ указъ имѣлъ силу, видно изъ того, что родители, напр., во избѣжаніе какаго-либо подозрѣнія въ насиліи воли и желанія своихъ дѣтей, отказывались даже присутствовать при совершеніи ихъ брако-

⁷¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

⁷²⁾ Требникъ 1646 г., листъ 81 (изъ Библиотеки Высокопреосв. Саввы, № 971,—въ Моск. Дух. Акад.); Требникъ 1681 г., л. 149 об. (изъ Биб—ки Моск. Дух. Акад., № ^{7/438}); срав. рукоп. требникъ XV в. (изъ Биб—ки К. И. Невоструева, № 2,—въ Моск. Дух. Акад.)

⁷³⁾ См. въ „Хр. Чт.“ за 1857 г. (№№ 8—11). Описаніе хранящихся въ Император. Публичн. Библиотекѣ старопечатныхъ книгъ 1564—1640 г.г.

⁷⁴⁾ Журн. „Воскресный День“. 1898 г., № 27, стр. 324.

вѣнчанія. Здѣсь, можно думать, беретъ свое начало замѣчаемое и въ наше время явленіе—непосѣщеніе родителями церкви во время совершенія браковѣнчанія ихъ дѣтей. Это отсутствіе, вначалѣ намѣренное, сдѣлалось потомъ привычнымъ, вошло въ обычай.

Что браки устраивались у насъ въ древней Руси по большей части родителями жениха и невѣсты, видно изъ того, что нерѣдко брачующіеся имѣли очень малый, почти дѣтскій возрастъ. Въ этомъ нельзя не видѣть отчасти вліянія византійскихъ законовъ. Греко-римскіе законы, требуя при вступленіи въ бракъ для мужчины болѣе 14 лѣтъ, а для женщины болѣе 12 лѣтъ, допускали исключенія: мужчинѣ можно было имѣть 7 лѣтъ, а женщинѣ менѣе 12 лѣтъ. Эти правила у насъ нашли примѣненіе въ смыслѣ юридическаго обычая, преимущественно у князей ⁷⁵). Памятники наши показываютъ, что у насъ невѣсты имѣли иногда 8, а женщины 10 и 11 лѣтъ ⁷⁶). Обычай жениться и выходить замужъ въ слишкомъ молодомъ возрастѣ осуждался у насъ и пастырями и церковными законами. Тѣ и другіе требовали, чтобы не женились и не выходили замужъ очень молодыхъ лѣтъ ⁷⁷).

Изъ лѣтописей мы видимъ, что при свадьбахъ употреблялось приданое, которое, однако, со времени принятія нашими

⁷⁵) См. цитир. выше *Дубакіна*: „Вліяніе христіанства на семейный бытъ рус. общества“... стр. 26—27.

⁷⁶) П. С. Р. Л., т. II, стр. 136; *Тереженко*: „Бытъ русскаго народа“, т. II, стр. 37; *Дубакіна*: „Вліяніе христіанства“... стр. 27 прим. 5-е. *Е. Голубинскаго*: „Исторія рус. церкви“, т. I, 2-я половина, стр. 390.

⁷⁷) а) Поученіе Петра, Митроп. Кіевскаго (изъ рукоп. XV в.): „дѣвицы бы не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13“ (Памятн. старинной рус. литературы, вып. IV, стр. 187).

б) Посланіе митр. Фотія въ Новгородъ 1410 г., Авг. 29: „дѣвочъ меньше 12 л. не вѣнчать“. Русская Истор. Биб—ка, т. VI, стр. 275.

в) Соловецкая Кормчая XV в. (1493 г.): „сыновей женить 15 л., дочерей выдавать 12 л. (листъ 428 обор.).“

г) Стоглавъ XVI в. (1551 г.)—Отрокъ 15 л., отроковица 12 л. (Глава 18, л. 78).

д) Домострой XVI в., стр. 72—73, (см. изд. Попова въ „4 т. И. О. И. и др. Рос.“ 1881 г., Апрель—Іюнь).

е) Печатная Кормчая XVII в., гл. 50, л. 138 обор.—юноша 15 л., дѣвица—12 л.

предками христіанства, получило нѣсколько иной характеръ, что обуславливалось, безъ сомнѣнія, вліяніемъ христіанства и дѣйствіемъ греко-римскихъ законовъ. Приданое, издавна употреблявшееся у нашихъ предковъ, какъ принадлежность ихъ браковъ, заключало въ себѣ имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, смотря по желанію и расположенію дающихъ. Недвижимое имущество въ качествѣ приданого по образцу византійскихъ обычаевъ и узаконеній стало у насъ употребляться въ княжеской средѣ. Эго видимъ изъ описанія у лѣтописца свадьбы Верхуслavy, дочери Всеволода Юрьевича, съ Ростиславомъ Рюриковичемъ. Лѣтописецъ замѣчаетъ про Рюрика: „сносъ же своей далъ многи дары и городъ Брагинъ“⁷⁸⁾. Съ теченіемъ времени, въ виду болѣе прочнаго обезпеченія женщины, по выходѣ ея замужъ, забота о приданомъ приобрѣла особое значеніе и, какъ увидимъ ниже, обычай требовалъ готовить приданое, или, какъ оно называлось, „надѣлокъ“ для дочери со дня ея рожденія. Съ первой половины XVI в. существовали такъ называемыя „рядныя записи“, посредствомъ которыхъ совершалось назначеніе приданого.

Самая свадьба и свадебный пиръ, издавна отличались особенною торжественностью. На свадьбѣ обычно присутствовало много родныхъ, друзей и знакомыхъ, составлялся большой поѣздъ за невѣстой въ домъ ея родителей, а также изъ дома въ церковь. Изъ лицъ, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ древней Руси при свадьбахъ, были, какъ мы уже видѣли, сваты и свахи. Имъ давались большіе подарки, они пользовались почетомъ и уваженіемъ не только у жениха и невѣсты, у молодыхъ, а и у всѣхъ гостей. Въ качествѣ угощеній на древне-русской свадьбѣ употреблялись меды⁷⁹⁾, вино⁸⁰⁾, каша⁸¹⁾. Весьма любопытно указать здѣсь на древній обычай употреблять при свадьбахъ большихъ размѣровъ пряники, приготовленные на меду, съ изображеніемъ райскаго дерева, птицы сиріана, двуглавыхъ и другихъ животныхъ. Обычай употребленія подобныхъ пряниковъ весьма древній на Руси; ихъ пекли еще сѣверные славяне до принятія христіанства. Въ христіанское время ихъ изготавляли и подносили,

78) П. С. Р. Л., т. II, стр. 136.

79) Тамъ же, т. II, стр. 243; т. I, стр. 220.

80) Тамъ же, т. II, стр. 19, 243.

81) *Терещенко*: „Бытъ рус. народа“, т. II, стр. 32; *Сахарова*: „Сказанія рус. народа“, т. II, стр. 22.

кромѣ свадебъ, въ прощенное воскресенье, въ день ангела, на крестины. Въ богатой и весьма интересной для нашей бытовой исторіи коллекціи Г. Наталіи Леонидовны Шабельской († 7 Янв. 1904 г.), бывшей одной изъ первыхъ и неутомимыхъ собирательницъ древнихъ художественныхъ бытовыхъ предметовъ, сохранились тѣ самыя деревянныя формы, въ которыхъ въ старину изготовлялись указанные нами пряники. Для археолога-этнографа представляется возможность въ указанной коллекціи прослѣдить развитіе существовавшаго у насъ любопытнаго производства и видѣть постепенное усовершенствованіе формъ.⁸²⁾ Не входя здѣсь, за краткостью очерка нашего, въ подробное изслѣдованіе указанного производства, мы отмѣтимъ только, что обычай употребленія на свадьбахъ особыхъ пряниковъ съ изображеніемъ райскаго дерева, птицъ и животныхъ не исчезъ окончательно изъ быта русскаго народа. Правда, насколько намъ извѣстно, изслѣдователи свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ у нашего народа не упоминаютъ о существованіи у него въ настоящее время указанного обычая—употребленія большихъ пряниковъ; однако, подобное этому обычаю можно находить доселѣ на свадьбахъ нашихъ крестьянъ. Такъ, напр., нами замѣчены остатки указанного древняго языческаго обычая въ Тульской губерніи. Еще доселѣ въ Веневскомъ уѣздѣ, въ селѣ Медвѣдкахъ и сосѣднихъ съ нимъ селахъ, существуетъ среди крестьянъ обычай готовить большихъ размѣровъ лепешки съ изображеніемъ птицъ, деревьевъ и разныхъ фигуръ. Птицы и другія фигуры такъ устраиваются на лепешкахъ, что легко можно ихъ отдѣлать. Обычно, птицы и различнаго рода фигуры, изображаемыя на лепешкахъ, покупаются присутствующими на свадьбѣ гостями, которые, купивши ихъ, дарятъ ими невѣсту. Лепешки эти носятъ особое названіе— „пичужки“, и, какъ видно, представляютъ собою большое сходство съ употреблявшимися на свадьбахъ въ древней Руси большихъ размѣровъ пряниками съ изображеніемъ дерева, птицы и животныхъ. Ясно, такимъ образомъ, видно, насколько крѣпко сохраняются въ быту народа различные обычаи, имѣющіе свой корень въ глубокой древности, еще въ эпоху язычества на Руси.

Кромѣ угощеній, нами здѣсь указанныхъ, на древне-русской свадьбѣ были и различныя увеселенія, забавы, которыя способенъ былъ тогда выработать русскій народъ. Такиъ, су-

⁸²⁾ См. „Курьеръ“ за 1904 г., № 13.

ществовали на свадьбахъ пляски ⁸³), игры въ трубы ⁸⁴) и гусли ⁸⁵). Какъ можно видѣть изъ лѣтописи, было на свадьбахъ въ числѣ увеселеній и пѣніе ⁸⁶). Любопытно, что наряду съ пѣснями, стихами бытового характера, распѣвавшимися нашими предками на свадьбахъ, встрѣчались иногда церковныя пѣсни и духовные стихи ⁸⁷). Занимательный случай представляетъ пѣніе Іоанна Васильевича Грознаго на свадьбѣ Маріи Владиміровны съ королемъ Магнусомъ. Среди общей радости развеселился царь Іоаннъ Васильевичъ. Когда другіе плясали, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ и сталъ съ ними пѣть символъ Аѳанасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, его пѣвцы не успѣвали за нимъ и сбивались. Грозный за это билъ ихъ до крови тяжелымъ посохомъ, которымъ регентствовалъ ⁸⁸).

Въ числѣ бытовыхъ чертъ, рисующихъ намъ обстановку древне-русской свадьбы, находится одна, весьма любопытная и относящаяся къ весьма отдаленной эпохѣ жизни нашихъ предковъ. Это—ношеніе жениха и невѣсты на бракъ въ лодкахъ (ладьяхъ), замѣнявшихъ собою иногда у славянъ сухопутную колесницу или носильный чертогъ. Указаніе на это можно находить въ разсказѣ о сватовствѣ древлянскаго князя Мала за княжну Ольгу. Лодки, какъ и сани, употреблялись у славянъ въ качествѣ почетныхъ носилокъ. Такъ какъ наши предки селились большею частію около рѣкъ и озеръ, проводили жизнь свою на рѣкахъ, разѣзжая въ лодкахъ, то, естественно, лодка пріобрѣла въ ихъ быту особенно важное значеніе и могла, въ необходимыхъ случаяхъ, замѣнять сухопутную колесницу ⁸⁹).

Николай Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

⁸³) См. „Памятники старинной рус. литературы“, изд. Кушелева-Безбородко. СПб. 1860 г., вып. 2-й, стр. 453—454.

⁸⁴) См. *Котошихина*: „О Россіи“.... стр. 11.

⁸⁵) *Олеарія*: „Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1636 и 1639 гг.“, стр. 209.

⁸⁶) П. С. Р. Л., т. II, стр. 257; т. I, стр. 105.

⁸⁷) *Терещенко*: „Бытъ рус. народа“, т. II, стр. 53.

⁸⁸) См. журн. „Русскій Вѣстникъ“, 1884 г., № 7, стр. 166.

⁸⁹) См. *И. Забѣлина*: „Исторія русск. жизни съ древнѣйшихъ временъ“, ч. 2-я М. 1879 г., стр. 173, 177—178.

Бесѣды по плодоводству.

I.

Во время моихъ многочисленныхъ развѣздовъ по строительнымъ дѣламъ епархіи, я за послѣдніе 6—7 лѣтъ видѣлъ много десятковъ, если не сотни, садовъ при церквахъ, а также у сельскихъ священниковъ и—увы! какъ это ни печально, не встрѣтилъ ни одного сада, про который можно было-бы сказать: „да: этотъ садъ посаженъ съ знаніемъ дѣла и ухоженъ умѣлой рукой!“ Нѣтъ такихъ садовъ у насъ! А вѣдь, на ряду съ этимъ, очень многіе изъ числа священниковъ весьма и весьма любятъ это дѣло, не жалѣютъ трудовъ на него, но полное незнакомство съ дѣломъ, тѣмъ не менѣе, бросается въ глаза даже и въ этихъ случаяхъ. Прежде всего, какъ мнѣ думается, причина незнакомства съ предметомъ лежитъ въ глубоко ошибочномъ взглядѣ, что, молъ, дѣло это очень просто; посадилъ дерево и—шабашъ! Чего же еще? Оградилъ его отъ скотины, ну, въ лучшемъ случаѣ, полилъ его въ засуху и—все! А потомъ жди плодовъ. Ну и ждетъ иной десятъ, пятнадцать лѣтъ, пока получить кое что, да и то мало, да и то не каждый годъ. А почему? Неизвѣстно: „цвѣли“, говорятъ, „яблони прекрасно, цвѣтъ былъ „осыпучій“, а потомъ все облетѣло и кончено! Не то морозъ побилъ, не то „помаха“ (?), не то роса какая то медвяная—только ничего и не видали отъ урожая и вотъ ужъ такъ второй годъ; надо полагать, земля „неродимая“ для яблокъ.

Вотъ какого рода разсужденія приходится слышать на каждомъ шагу. А между тѣмъ, если бы владѣльцы всѣхъ этихъ сотенъ садовъ и садочковъ знали, что все это результатъ ихъ полного невѣдѣнія въ дѣлѣ садоводства и что чуть не $\frac{9}{10}$ результатовъ всѣхъ этихъ невзгодъ въ ихъ собственныхъ рукахъ!

Цѣль настоящихъ моихъ бесѣдъ по садоводству—вести моихъ читателей въ эту незнакомую имъ, въ большинствѣ случаевъ, область: область разумнаго, сознательнаго садоводства и плодоводства, гдѣ, если и бываютъ неудачи, а гдѣ ихъ не бываетъ!—то, по крайней мѣрѣ, садоводъ знаетъ, откуда онѣ пришли, гдѣ промахъ или недосмотръ и какъ отъ нихъ избавиться въ другой разъ.

Чтобы сразу убѣдить, что изученіе садоводства не пустая забава и не пропащее время, я скажу, что у насъ обыкновенно въ урожайный годъ (т. е. черезъ годъ) взрослое, лѣтъ 25, дерево, даетъ 2--3 пуда яблокъ въ среднемъ, а при высокой культурѣ оно можетъ давать и 20 пудовъ, да не черезъ годъ, а почти ежегодно. Вотъ и посудите сами, выгодно-ли изучить дѣло даже и обладателю 20—30 дблонь; далѣе, второй, не менѣе важной причиной, слабаго интереса къ изученію садоводства и плодоводства является другой весьма распространенный предразсудокъ, что дескать слишкомъ долго приходится ждать плодовъ отъ сада, который мы посадили. Въ самомъ дѣлѣ: не очень весело думать, что яблоня, которую я сажаю, дастъ яблоки черезъ 15—18 лѣтъ. Сколько воды утечетъ за это время! Каждый священникъ вправѣ думать, что за такой періодъ времени его не одинъ разъ могутъ перевести въ другой приходъ, да и самъ можетъ захотѣть перейти, да еще и живъ-то будетъ-ли къ тому времени—неизвѣстно! Для кого-же всѣ труды и хлопоты?!

Но я говорю и настаиваю, что это большое заблужденіе: дерево, правильно выбранное, правильно посаженное, съ знаніемъ и любовью ухаженное, даетъ черезъ 6—8 лѣтъ до 1 пуда яблокъ, т. е. столько, сколько мы привыкли получать въ среднемъ съ 15—20 лѣтняго дерева! А ужъ на такой короткій срокъ всякій здоровый человѣкъ вправѣ болѣе или менѣе смѣло заглядывать впередъ и рассчитывать сознательно, поскольку вообще можно на что нибудь рассчитывать впередъ.

А что для этого нужно, о томъ рѣчь впереди.

Всѣ курсы плодоводства начинаютъ вопросъ съ выбора мѣста для фруктоваго сада. Ну, намъ объ этомъ говорить не приходится: мѣсто, конечно, около дома священника, а самый домъ либо уже существуетъ, либо строится въ зависимости отъ болѣе важныхъ соображеній, чѣмъ положеніе будущаго сада по отношенію къ странамъ горизонта и уклону мѣстности.

Но дальше уже является рядъ вопросовъ: что сажать (т. е. какія фруктовыя деревья, гдѣ ихъ взять и какъ выбрать), какъ сажать, какъ часто размѣщать посаженное и отъ кого и какъ оберегать дерево послѣ посадки.

Первый изъ этихъ вопросовъ весьма важенъ и рѣшается далеко не такъ просто, какъ это принято: купилъ на базарѣ или у торговцевъ „щепнымъ“ товаромъ два десятка „присадковъ“, которые получше, и ладно! Нѣтъ, это дѣло нужно

поставить совѣтъ на другую почву. Прежде всего—правило: никогда ничего у торговцевъ „щепнымъ“ товаромъ не покупать, чтобы и самые торговцы вывелись окончательно. Какъ ни заманчиво, что они берутся иногда за 25 коп. (а то и за 20 к.) посадить дерево съ „ихъ посадкой“ въ случаѣ пронажи дерева, а всетаки люди эти принесли неисчислимый вредъ русскому плодоводству и ихъ нужно бояться, какъ огня. Весь ихъ товаръ—дрянь; это—отбросъ хорошихъ питомниковъ, все, что нельзя было продать, чтобы не уронить достоинства фирмы и не отбить покупателя. Или же это продукты совершенно невѣжественныхъ производителей „плодовитыхъ деревьевъ“, что, можетъ быть, еще хуже.

Чтобы сказанное мною стало понятнымъ, нужно сдѣлать небольшое отступленіе въ область разведенія фруктовыхъ деревьевъ въ питомникахъ.

Наши культурные сорта фруктовыхъ деревьевъ не разводятся отъ сѣмянъ или косточекъ, а разводятся путемъ прививки черенковъ или глазковъ (почекъ) культурныхъ сортовъ къ дичкамъ (подвоямъ), получаемымъ или изъ сѣмянъ лѣсной яблони (и груши) или китайки, рѣже изъ сѣмянъ обыкновенныхъ яблочъ. Но всѣ эти сѣмена, будучи посѣяны на грядку, даютъ, обыкновенно, одинъ отпрыскъ вверхъ—это стволъ; другой отпрыскъ внизъ—это корень будущаго дерева. Корень обыкновенно идетъ вертикально внизъ на болѣе или менѣе значительную глубину и тамъ понемногу вѣтвится, а между тѣмъ для сильнаго роста дерева важно, чтобы корень вѣтвился какъ можно больше для полученія безчисленнаго количества мелкихъ мочекъ на концахъ корневыхъ вѣточекъ; ибо ими только дерево и питается. Чтобы заставить дерево давать какъ можно больше корневыхъ вѣтокъ и не на глубинѣ а въ наиболѣе питательныхъ верхнихъ слояхъ земли, сѣянцы *пикируютъ*, т. е. прищипываютъ или отрѣзываютъ концы корешковъ; тогда вмѣсто отщипнутаго кончика корешка вырастаетъ 3—4 новыхъ, а при вторичной пикировкѣ и снова на каждомъ изъ 3—4 концовъ вырастаетъ по 2—3 конца. Такимъ образомъ, вмѣсто одного хвостика корень разрастается въ цѣлую метелку. Когда такое дерево пересажено изъ грядки на мѣсто, оно сразу принимается, почти не болѣетъ и съ перваго же года принимается расти богатырскимъ ростомъ. А непикированное дерево медленно принимается и туго двигается въ ростѣ.

Конечно, и цѣна такимъ деревцамъ другая, но вовсе ужъ не такъ велика разница въ цѣнѣ, чтобы при посадкѣ 2—3 десятковъ деревцовъ надъ этимъ стоило задумываться: въ лучшихъ питомникахъ двухлѣтка яблоня (а такія и нужно сажать) стоитъ по 30 коп. штука, а у торговцевъ 20—18 коп. Конечно, нужно къ этому прибавить сравнительно небольшой расходъ по пересылкѣ и упаковкѣ и все же яблоня будетъ стоить коп. 35 даже 40.

Второй недостатокъ покупки яблонь у торговцевъ—это полная неувѣренность въ сортѣ дерева—вы покупали антоновку, а выросла какая-то кислица, вы покупали зимніе, лежкіе сорта, а выросли лѣтніе; это тоже большое неудобство.

Поэтому только при покупкѣ яблонь изъ питомниковъ можно говорить и о сортахъ яблонь и давать совѣты о томъ, какія яблони у насъ слѣдуетъ сажать, а какія нѣтъ.

Если къ вамъ въ руки попадетъ преисъ-курантъ какого либо питомника, то вы будете поражены количествомъ предлагаемыхъ сортовъ; между тѣмъ изъ всего этого богатства стоитъ покупать очень ограниченное число разныхъ сортовъ яблонь, годныхъ для данной мѣстности.

Для Тульской губерніи можно рекомендовать изъ зимнихъ сортовъ: антоновку, ант-каменитку, скрижапель, черное дерево, бабушкино, апортъ зимній, анисовку, а изъ осеннихъ и лѣтнихъ—коричневое, боровинку, бѣлый наливъ, титовку, групповку. Въ хорошо защищенныхъ садахъ можно сажать: добрый крестьянинъ, пепинъ англійскій, пепинъ литовскій, воргуль, зеленку крымскую. Изъ грушъ: безсѣмянку, тонковѣтку, бергамоть.

Выписывать плодовые деревья изъ питомниковъ всего лучше осенью, а сажать весной. На зиму деревца нужно прикопать гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ, но подальше отъ мышей. Для этого вырываютъ канаву глубиной верхковъ 8 и шириной верхк. 10—12 и кладутъ въ нее деревца рядами въ наклонномъ положеніи, засыпая корни землей, а еще лучше засыпать сначала льняной кострикой, которую не любятъ мыши, а потомъ землей. Весной же, по возможности пораньше, уже высаживать въ грунтъ.

Теперь о самой посадкѣ.

Для успѣшнаго роста дерева почва должна быть надлежащимъ образомъ подготовлена: она должна быть рыхла, тепла, питательна, влажна, но не мокра.

Чтобы почва отвѣчала указаннымъ требованіямъ, нужно поступать слѣдующимъ образомъ, въ зависимости отъ существующихъ данныхъ каждаго частнаго случая: если садъ расположенъ на очень низкомъ, „потномъ“ мѣстѣ, нужно его кругомъ окопать глубокой канавой (около саж. глуб.) и сдѣлать отводную канаву куда нибудь въ сторону, чтобы вода въ канавахъ не застаивалась, а стекала.

Если почва песчаная, малопитательная, нужно въ ямѣ, приготовленной для посадки яблонь, прибавить глины и черноземной огородной или лѣсной земли, а также перепрѣвшаго навозу, откуда нибудь, напр., изъ старыхъ коровниковъ, задворковъ, куда сваливался навозъ и пр. Если почва, напротивъ, чистая глина, то нужно подбавить песку, листовой земли, а самая перекопка сдѣлаетъ то, что сухая земля, напр., гдѣ нибудь на горѣ, на скатѣ будетъ задерживать и поглощать больше скатывающейся дождевой воды и сдѣлается влажнѣе; подбавка-же листовой земли или перегниващаго навозу сдѣлаетъ землю теплѣе. Вотъ какъ нужно подготовить почву.

Теперь спрашивается, на какую-же глубину и ширину слѣдуетъ подготавливать почву. Въ литературѣ по садоводству по этому предмету много шло и идетъ до сихъ поръ споровъ, но, при изученіи дѣла попристальнѣе, кое-что становится положительно яснымъ. Такъ, напр., совѣтъ перекопать сплошь всю почву сада переваломъ на глубину 1—1½ аршинъ, имѣющихъ своихъ ярыхъ сторонниковъ, положительно не выдерживаетъ критики, на томъ простомъ основаніи, что всякая взрыхленная земля отъ времени слеживается, и пока корни растущаго дерева дойдутъ до середины между-рядій и даже гораздо раньше этого, почва такъ сляжется, что потребуются ее рыхлить снова. Слѣдовательно, первоначальная работа пропадетъ даромъ, а она очень не дешева, ибо переваль на глубину 1 аршина обходится въ 7 коп. съ квадр. сажени, т. е. 178 руб. за десятину и между тѣмъ почти $\frac{2}{3}$ работы пропадутъ даромъ.

Точно также не слѣдуетъ копать ямы и очень глубокими, ибо въ этомъ случаѣ корни, стремящіеся внизъ, опустятся по рыхлому, подготовленному грунту до дна, а тамъ, при дальнѣйшемъ ростѣ, встрѣтятъ твердые материковыя стѣны непитательной подпочвы, куда не попадаетъ ни воздухъ, ни удобреніе, и начнутъ кружиться по стѣнкамъ ямы, пока дерево не зачахнетъ. Обыкновенно, напротивъ, стараются прямо не пустить корней въ глубину. Такъ въ нѣкоторыхъ монастыр-

свихъ садахъ Франціи издавна практикуется такой пріемъ: снимается съ площади сада весь питательный слой земли, затѣмъ садъ вымачивается каменными плитами и поверхъ нихъ навозится питательная земля слоемъ около аршина, въ которую уже сажаются фруктовыя деревья.

Конечно, это можетъ практиковаться тамъ, гдѣ яблони и груши продаются по 60 к.—1 р. за штуку; но цѣль этой дорогой подготовки одна: не выпускать корней дерева изъ верхняго питательнаго слоя, который всегда можно по произволу и накормить удобреніемъ и напоить поливкой воды.

Какъ изъ изученія вопроса, такъ и изъ практики насажденія нѣсколькихъ десятинъ фруктовыхъ садовъ я вывелъ такія нормы при посадкѣ яблонь: копать ямы глубже 12 вер.—1 арш. не слѣдуетъ, а въ ширину лучше всего яму сдѣлать аршина 2 въ поперечникѣ. Этого размѣра ямы хватитъ для роста дерева года на 3, а о дальнѣйшемъ уходѣ рѣчь будетъ дальше.

Копать ямы для весенней посадки деревьевъ нужно обязательно съ осени, чтобы морозъ разрыхлилъ дно и стѣнки ямы, а вода и вѣтеръ измѣнили строеніе земли, выкопанной изъ ямы и сложенной до весны около нея.

Къ этому же времени нужно подвести и то, чѣмъ намѣреваемся улучшить почву: песокъ, листовую землю, навозъ. Все это пролежить подъ снѣгомъ до весны, а весной будетъ перелопачено, перемѣшано и засыпано обратно въ яму.

О самой посадкѣ—до слѣдующей бесѣды.

Сергій Серебровскій.

Патріотизмъ.

V.

Герои „Рѣшительнаго“.

Въ скорбной исторіи настоящей войны выдѣлились нѣкоторые моменты, незабвенные для всякаго русскаго сердца. Таковъ, между прочимъ, подвигъ М. Роцаковскаго, командира миноносца „Рѣшительный“. Подъ командою лейтенанта Роцаковскаго былъ и минеръ Воловичъ, убитый револьверною пулею при разбойническомъ нападеніи японцевъ. „Русь“ сообщаетъ очень цѣнные документы по этому дѣлу, которые, надо надѣяться, найдутъ въ русскомъ обществѣ сердечный откликъ.

Г. Чифу, въ Китаѣ.

11 Сентября 1904 г.

Милостивая государыня. Съ глубокой горестью увѣдомляю васъ о кончинѣ моего дорогого боевого товарища— минера Дмитрія Михайловича Воловича, вашего сына.

Онъ былъ убитъ револьверной пулей прямо въ сердце при разбойническомъ нападеніи японцевъ на ввѣренный мнѣ миноносецъ „Рѣшительный“.

Какъ утѣшить мать, потерявшую своего сына? Конечно, слезамъ вашимъ, вашему горю трудно помочь. Но я хочу вамъ сказать, русской женщинѣ, нѣсколько словъ и правдивыхъ словъ.

Сынъ вашъ Дмитрій былъ на моемъ миноносцѣ однимъ изъ примѣрнѣйшихъ людей. Особенно онъ отличался правдивостью и хладнокровіемъ. Каждому его слову я вѣрилъ и всегда его уважалъ за добросовѣстность и кроткій нравъ. Когда у него бывало свободное время, онъ читывалъ книжки, все полезныя, хорошія книги. Онъ погибъ, стоя рядомъ со мною, бросившись безоружный на многихъ вооруженныхъ неприятелей по первому моему слову.

Богъ судилъ ему погибнуть, а мнѣ остаться въ живыхъ (я былъ только раненъ); но Богъ видитъ, что я завидую столь славной, русской смерти этого младшаго товарища: „Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положить за други свои“... сказалъ Спаситель; и Дмитрій Воловичъ положилъ на брани животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество, бросившись, по слову своего командира, безоружный на толпу явчииковъ, посягавшихъ на достоинство русскаго имени. Повторяю, я не хочу осушить ваши слезы, но хочу, чтобы онѣ были сладкія, а не горькія; чтобы вы сами, когда Богу угодно будетъ васъ отозвать во царствіе Свое, умирая, имѣли бы счастье сознавать, что вы не даромъ прожили жизньъ, не напрасно въ болѣзни и скорби родили сына, но дали и воспитали для своего отечества чудо-богатыря. Такихъ пошли намъ, Боже, побольше!

Тѣло вашего сына нашли въ водѣ черезъ нѣсколько дней послѣ его убійства и похоронили на христіанскомъ кладбищѣ города Чифу. Въ этотъ день я лежалъ раненый въ бокъ пулей и испытывалъ еще сильную боль. Но я всталъ, одѣлся и пошелъ поклониться праху его земно, и чѣмъ тяжелѣе мнѣ было стать на колѣни и поклониться, чѣмъ сильнѣе болѣла

рана, тѣмъ съ большимъ усердіемъ я поклонился праху дорогого мнѣ человѣка. На похоронахъ были всѣ христіане, православные и неправославные, и все время пѣли „Святый Боже“ (мнѣ идти было нельзя). Возложено на гробъ нѣсколько вѣнковъ, и даже англичане на своемъ вѣнкѣ написали по-английски: „На добрую память о человѣкѣ, исполнившемъ свой долгъ“. Черезъ нѣсколько дней выписанный православный священникъ отслужилъ панихиду на могилкѣ, а на этихъ дняхъ поставленъ бѣлый мраморный памятникъ, сооруженный на средства королевы эллиновъ Ольги Константиновны. Я непременно вамъ вышлю карточку могилки. Пока я за нею смотрю самъ и на ней цвѣтутъ живые цвѣты, а потомъ позабочусь о постоянномъ наблюденіи за могилой.

Если бы вы знали, насколько я требователенъ къ своимъ подчиненнымъ, то оцѣнили бы тотъ похвальный отзывъ, который я даю вашему сыну. Въ заключеніе добавлю, что молю Бога, чтобы Онъ и мнѣ послалъ такую же славную кончину. Если вамъ когда-нибудь что потребуется, пишите мнѣ, и я о васъ, какъ сумѣю, позабочусь, какъ о родной.

Прощайте и да утѣшитъ васъ Богъ! Усердно кланяюсь вамъ, матушка, русскимъ пояснымъ поклономъ.

Михаилъ Рощаковский,
командиръ миноносца „Рѣшительный“.

Д. Воловичъ убитъ въ ночь съ 29 на 30 Іюля; все имущество, оставшееся послѣ него, погибло.

Родина минера „Рѣшительный“ Дмитрія Михайлова Воловича—гор. Чериковъ, Могилевск. губ. Отецъ его, мѣщанинъ, хлѣбопашецъ, уважаемый обществомъ, умеръ въ 1880 г., оставивъ жену съ шестью малолѣтними дѣтьми настолько бѣдною, что она безъ помощи благотворительности не могла бы похоронить мужа. Вдова Гликерія Петрова Воловичъ въ горѣ и нуждѣ изыскивала кое-какъ средства дать возможность сыну Дмитрію окончить приходское училище. Дмитрій отличался, при своей даровитости, трудолюбіемъ, честностью и правдивостью и обладалъ замѣчательной силой, былъ съ отрочества помощникомъ въ трудахъ матери.

Мать минера, 66 лѣтъ, всю надежду возлагала на сына Дмитрія прожить остатокъ дней своихъ сколько-нибудь сносно, въ покоѣ, ждала, дни и часы высчитывала, когда окончить

службу и воротится сынъ ея Дмитрій, кормилецъ, ждала, и... вмѣсто сына дождалась вѣсти о геройской кончинѣ его.

Живеть въ гор. Чериковѣ старуха Гликерія Воловичъ въ ветхой избенкѣ съ болѣзненнымъ сыномъ своимъ Ефимомъ въ крайней бѣдности, нерѣдко претерпѣвая и голодь и холодъ.

Справедливость вышеизложеннаго подтверждаю—очевидецъ, надр. сов. Иванъ Парфененковъ.

(„Свѣтъ“).

Герей Григорій Петровъ и его пастевиль „Затѣйникъ“.

Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано, а въ Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ перепечатано слѣдующее мнѣніе о сочиненіи свящ. Гр. Петрова: „Затѣйникъ“,

Въ послѣднее время въ законченномъ видѣ явилось произведеніе подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ, имѣющее близкое отношеніе къ жизни, быту и служенію духовенства. Намъ извѣстно, что принимаются мѣры къ распространенію этого произведенія среди духовенства и особенно среди духовнаго юношества. Не разъ намъ приходилось слышать и нарочитые запросы о смыслѣ и значеніи появившейся книжки. Что сказать о ней? „Затѣйникъ“ представляетъ одно изъ многочисленныхъ произведеній пастыря, пріобрѣтшаго извѣстность въ наше время, подобную той, какою еще недавно пользовался у насъ свѣтскій писатель Горькій. „Затѣйникъ“ о. Петрова не можетъ быть причисленъ ни къ одному изъ существующихъ родовъ изящной литературы. Не есть это романъ, не есть это и повѣсть, ни сатира. Во всемъ произведеніи нѣтъ положительныхъ типовъ, элементы для изображенія которыхъ были бы въ дѣйствительной жизни; не найдете въ немъ и никакой вообще идеи. „Затѣйникъ“ — это фельетонный памфлетъ на все пастырство и пастырское служеніе нашихъ архипастырей, на наши духовныя школы, на нашу богословскую науку. Слишкомъ мало въ книгѣ мыслей, основанныхъ на наблюденіи дѣйствительности, еще менѣе фактовъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни. Но за то весьма много въ

ней искусственно придуманного, намѣренно извращеннаго и часто фальшиваго. Развѣ есть, напр., у насъ такіе архіерен, какой выведенъ въ „Затѣйникѣ“? Развѣ видѣлъ и зналъ кто либо такихъ ректоровъ и инспекторовъ, какихъ изображаетъ авторъ? Самое изображеніе семинарской жизни и духовнаго быта нерѣдко представляетъ не что иное, какъ только размазываніе избитыхъ балаганныхъ анекдотовъ, сочиненныхъ до-сужими головами про нашихъ семинаристовъ и священниковъ. Но что болѣе всего прискорбно, такъ это то, что авторъ пишетъ не только безъ всякаго знанія, но и безъ любви и даже уваженія къ предмету, какой онъ изображаетъ. Судя по сходству разсужденій и рѣчей „Затѣйника“ съ сужденіями, имѣющими мѣсто въ другихъ произведеніяхъ священника Петрова, „Затѣйникъ“ его имѣетъ автобіографическое значеніе и происхожденіе. Если это такъ, то весьма характерно названіе главнаго героя книги „Затѣйникъ“. Характеризуя своего героя устами „немногихъ искреннихъ друзей“ его, авторъ пишетъ: „вотъ „Затѣйникъ“ и затѣваетъ одно дѣло за другимъ, *придумываетъ все новыя и новыя затѣи*“... Итакъ, доселѣ мы знали, что пастырство есть святое, великое служеніе, имѣющее божественное происхожденіе, основывающееся на началахъ, положенныхъ Самимъ Пастыреначальникомъ. А вотъ теперь о. Петровъ представляетъ намъ пастырство въ лицѣ своего героя, какъ *затѣйничество*, основывающееся на *придумываніи все новыхъ и новыхъ затѣй*. Что можетъ быть хуже этой профанаціи пастырскаго служенія? Что можетъ быть грубѣе и фальшивѣе такого пониманія пастырства?

Не менѣе характерно и то, что рѣчи „Затѣйника“ проникнуты глубокою ненавистію къ богословской наукѣ и духовной литературѣ. Богословскую науку онъ презрительно обзываетъ „схоластическимъ книжничествомъ“ и „академическимъ буквоѣдствомъ“. „Какъ можно“, говоритъ онъ, „писать ученыя статьи и изслѣдованія о религиозномъ состояніи евреевъ подъ властью фараоновъ, объ оттѣнкахъ аріанства въ четвертомъ вѣкѣ, о первоначальномъ текстѣ книги пророка Варуха, о годѣ пира Валтасара, о времени смерти Ефрема Сирина и Василия Великаго (кто умеръ ранѣе) и т. д., когда жизнь стучится въ окно, когда живая душа современнаго человѣка мечется въ поискахъ если не новой правды, то новыхъ ступеней единой вѣчной истины, когда новое время выдвигаетъ новые запросы и мучительно требуетъ немедленнаго ихъ разрѣшенія“... И опять спросимъ: что можетъ быть фальшивѣе

подобныхъ рѣчей? Развѣ автору неизвѣстно, что въ богословской ученой литературѣ пишутся и печатаются сочиненія далеко не на однѣ только отвлеченныя темы, какія онъ указываетъ читателямъ съ явною цѣлю осмѣянія академической науки? А, съ другой стороны, что же смѣшного и страннаго въ такихъ вопросахъ, какъ арианство съ его оттѣнками, время смерти свв. Ефрема Сирина и Василия Великаго, оригинальный текстъ книги Варуха? Только для легкомысленнаго дилетанта все можетъ это казаться страннымъ, но не для серьезнаго человѣка, даже и не спеціально богословски-образованнаго. Кому же неизвѣстно, что спеціализаціи—душа науки? Кто, съ другой стороны, не знаетъ, что во всѣхъ отрасляхъ знанія человѣческаго теорія и практика идутъ рядомъ? Медицина развивается, безъ сомнѣнія, благодаря кабинетнымъ теоретикамъ, истиннымъ труженникамъ науки, а вовсе не популярнымъ практикамъ, обогащающимъ посредствомъ широкой практики свой карманъ, а не науки. Не то же ли самое видимъ въ химіи, механикѣ, математикѣ и т. д. и т. д.? Но, можетъ быть, пастырство есть такое практическое служеніе, для котораго рѣшеніе отвлеченныхъ теоретическихъ вопросовъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, не имѣетъ никакого смысла, не приноситъ никакой пользы? Но, прежде всего, не пастыри же пишутъ сочиненія на вышеуказанныя темы, а служители богословской науки. Впрочемъ, и пастырь не можетъ ограничить свою жизнедѣятельность однимъ только рѣшеніемъ новыхъ практическихъ вопросовъ. Для пастыря необходимо самое серьезное богословское образованіе, разумѣется, вмѣстѣ съ полнымъ общимъ образованіемъ. Спаситель, по слову Апостола, *„поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова“*. Между пастырями могутъ быть одни—крестителями, а другіе—учителями. Апостолъ Павелъ, бывшій *всѣмъ для всѣхъ*, писалъ Коринтеянамъ: *„Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать“*...

„Затѣйникъ“ о. Петрова въ своей враждѣ и злобномъ отрицаніи духовной литературы доходитъ даже до явной лжи, оскорбляющей чувство всякаго истинно-религіознаго человѣка. „Въ духовной литературѣ“, говоритъ онъ, „выработалось даже особое выраженіе для характеристики отношеній свѣтской науки и свѣтскихъ людей къ рѣчамъ и книгамъ духовныхъ писателей: „лжеименный разумъ“. *Чѣмъ то тухлымъ, лжи-*

сымъ, безнадежно тупымъ вѣтъ отъ этого опредѣленія“... Но кто далъ право о. Петрову такъ дерзко клеветать на все русское папство въ его отношеніи къ интеллигенціи? И чѣмъ вѣтъ отъ его собственныхъ словъ по поводу „лжеименнаго разума“, каковое опредѣленіе принадлежитъ Апостолу, а отнюдь не выдуманно нами, духовными. Забылъ, очевидно, о. Петровъ, а за нимъ и „Затѣйникъ“ его, слова ап. Павла: „о. Тимоѳей! Храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго знанія, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры“.

Послѣднее наше слово о книгѣ „Затѣйникъ“ такое. Кто изъ духовенства не прочтаетъ этой книги, тотъ ничего не потеряетъ; а кто станетъ читать ее, пусть напередъ знаетъ, что это—самый злой и тенденціозный памфлетъ на русское духовенство и папство.

СОДЕРЖАНИЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Поученіе на 22-е Марта.—О св. ап. Павлѣ и его посланіяхъ.—*Еп. Михаила.*—Свадебные обычаи въ древней Руси.—*Н. Остроумова.*—Бесѣды по пчеловодству.—*Сергій Серебровскаго.*—Патріотизмъ.—Герои „Рѣшительнаго“.—Іерей Григорій Петровъ и его пасквиль „Затѣйникъ“.

Редакторъ неоф. ч. Н. Троицкій.

Тула. 22 Марта 1905 года. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Пановъ.*
